
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2020/1

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2020

Редакционный совет:

Доц. д-р Антония Пенчева, доц. д-р Силвия Петкова, проф.д-р Елена Стоянова, проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева

Международный редакционный совет:

проф.д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф.д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф.д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф.д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф.д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф.д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доц. д-р Илиана Владова – главный редактор – docvladova@mail.bg
проф. д-р Валентина Аврамова – зам. гл. редактора
доц. д-р Радослава Илчева – зам. гл. редактора
доц. д-р Ценка Досева
д-р Владимир Манчев – отв. секретарь
Гергана Георгиева – технический секретарь

Журнал «Болгарская русистика» включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ по адресу <http://www.eLibrary.ru> и Национальный референтный список современных болгарских научных изданий с научным рецензированием по адресу <https://nrs.nacid.bg/register/search>

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Т. А. Сироткина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОНИМИКИ 5

В. П. Иванова

ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ – ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И
КОНЦЕПЦИИ. ТИПОЛОГИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ
ПЕРЕНОСОВ 12

А. В. Ангелова

«РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР» КАК ФРАГМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ
ФИТОНИМОВ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)..... 28

Е. И. Зыкова

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
УСТОЙЧИВЫХ КОМПАРАТИВОВ РУССКОГО ЯЗЫКА..... 38

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В. В. Робский

РЕФЛЕКСИЯ КАК СПОСОБ ПЛАНИРОВАНИЯ И
ПРОЖИВАНИЯ СОБЫТИЙ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС
«ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» 52

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

О. Г. Усанова, М. А. Пирожкова

КУЛЬТУРА РЕЧИ: ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ..... 65

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

А. И. Пенчева

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

«ЛЮБОВЬ К ТРЕМ ЦУКЕРБРИНАМ») 71

ХРОНИКА

О. В. Самоцветова

ДОМ МУЗЕЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ 84

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 94

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 96

ЛИНГВИСТИКА

Сироткина Татьяна Александровна
Сургутский государственный
педагогический университет
Россия, Сургут
e-mail:sirotkina71@mail.ru

Sirotkina Tatyana Alexandrovna
Surgut State Pedagogical University
Russia, Surgut
e-mail:sirotkina71@mail.ru

Т. А. Сироткина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОНИМИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы современной этнонимии, к которым автор относит: определение языкового статуса этнонима, границ этнонимии и отдельных этнонимов; описание развития этнонимикона и функционирования этнических имен в разных сферах речевой коммуникации; рассмотрение взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами; исследование категоризации этнической семантики; построение модели системной организации этнонимической лексики; изучение этностереотипов. Делается вывод о том, что решение их требует привлечения для анализа местного языкового материала, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также создания словарей.

Ключевые слова: этноним; этнонимика; этнонимикон; категория; категоризация; этнический стереотип; лексикография.

Т. А. Sirotkina

ACTUAL ISSUES OF CONTEMPORARY ETHNONYMY

Abstract. The article deals with the problems of modern ethnonymy to which the author includes: the definition of language status of ethnonym; boundaries between ethnonymy and particular ethnonyms; description of the etnonimikon development and functioning of ethnic names in different spheres of speech communication; consideration of interactions between ethnonymy and other lexical systems; the study of ethnic semantics categorization; construction of the model of systemic organization of ethnonymic lexicon; study of ethnotypes. The conclusion is that their solution requires the use of their analysis of the local language material, a careful description of the historical development and current status of regional etnonimikons, as well as the creation of dictionaries.

Keywords: ethnonym; ethnonymy; etnonimikon; category, categorization,

ethnic stereotype, lexicography.

Этнонимы (названия народов) являются объектом изучения особой науки – **этнонимики**, которая начала активно развиваться в России с 70-х гг. XX в.

Назовем основные проблемы современной этнонимики, которые, по нашим наблюдениям, еще нуждаются в решении.

1. Проблема языкового статуса этнонима. Этнонимия как разряд лексики имеет двойственный характер. С одной стороны, этнонимы являются нарицательными обозначениями, с другой – традиционно рассматриваются внутри онимической системы в качестве периферийных ее единиц. Двойственный характер имеют этнонимы и с точки зрения теории референции. Они, с одной стороны, являются «идентифицирующими» именами (к которым обычно относят имена собственные), с другой – «характеризующими» (которыми традиционно являются апеллятивы). Логичнее всего, на наш взгляд, определение этнонимов как промежуточного звена между именами собственными и именами нарицательными.

2. Проблема границ этнонимии и отдельных этнонимов. Понятие «этнос» достаточно широкое. Кроме названий племен и народов, в него могут включать названия этноконфессиональных групп, родов, субэтнических групп. Так, в словаре «Какого мы роду-племени?» Р.А.Агеевой [Агеева 2000] наряду с собственно этнонимами (названиями племен и народов) даются и такие именованья, как *казаки* (субэтническая группа русских) и т.д. Таким образом, существует узкое и широкое значение термина “этноним”. При широком понимании в этнонимии входят даже коллективные прозвища, которые в этом случае называют микроэтнонимами.

На наш взгляд, основой определения границ этнонимии должны являться границы понятия «этнос», определенные этнографами. «Этнографическая наука выработала свой аппарат понятий и определений, с помощью которого раскрывается феномен этничности» [Черных 2003: 7]. Основным и определяющим является понятие **этнос** – исторически сложившаяся общность людей, характеризующаяся на стадии этногенеза общностью территории и языка, а также приобретающая в ходе своего развития этническое

самосознание и общие черты в материальной и духовной культуре. Важным, безусловно, является и понятие **этнической общности**. Существуют этнические общности разных уровней и порядков. К одному уровню, например, относятся *русские казаки* или *поморы* в составе русского этноса, к другому – *русские*, к третьему – *восточные славяне*, к четвертому – *славяне вообще*. Для обозначения внутренних подразделений этноса, части этнической общности, этнографы пользуются определением **этнографическая группа** или **этническая группа**. Этнографические группы складываются на основной этнической территории и не изолированы от этнического ядра. Этнические группы – те части этноса, которые расселились и функционировали вне основной этнической территории, в большем или меньшем отдалении от нее, в иной лингвокультурной среде [Кузеев 1992: 17].

Таким образом, мы придерживаемся такого определения границ этнонимии, при котором в поле исследования попадают **этнические общности разных уровней**. Однако ученый, описывающий эти разные типы общностей, должен обязательно помнить, об этносе какого уровня идет речь.

3. Проблема развития этнонимикона. Она касается не только этнонимикона определенного языка, но и региональных этнонимиконов.

Например, со временем могут расширяться границы этнонимического поля. На примере этнонимикона Пермского края можно проследить, что в него, помимо имен народов, исторически освоивших данную территорию, в данный момент входят такие этнонимы, как *цыгане*, *армяне*, *таджики* и многие другие.

4. Проблема функционирования этнонимов в разных сферах речевой коммуникации. Этнонимы – это и научные термины, и единицы разговорно-бытового общения, и средства художественного описания. В различных сферах речевой коммуникации они выполняют определенные роли, отличаются особенностями функционирования.

Только описав функционирование этнических имен в разных типах дискурса, мы сможем представить более полную картину этнонимикона в целом.

5. Проблема взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами. Поскольку этнонимия имеет двойственный характер, логично рассматривать взаимодействие ее, во-первых, с системами имен собственных (прежде всего топонимов и антропонимов) и, во-вторых, с системой нарицательной лексики определенной территории.

Взаимодействие этнонимической и топонимической систем проявляется в наличии этнотопонимов, например, ойконимов, имеющих в основе этноним. Но связь ойконима с этнонимом может быть как прямой, так и опосредованной (через антропоним).

Г.Н. Чагин, исследовавший топонимию Чердынского уезда по письменным памятникам XVI – XVII вв., выделяет группу онимов, связанных с родовыми и племенными именами, и отмечает, что «топонимические пласты, восходящие к наименованию племен и народов, живших на территории Чердынского уезда, восходят к очень древним временам» [Чагин 2003: 22].

Такие же сложные связи отмечаются во взаимодействии этнонимии и антропонимии. Человек мог получить прозвище, давшее впоследствии фамилию, не по этнониму, а по нарицательному слову живой диалектной речи, например, *зырянин*ом в Прикамье могли назвать человека, который таращит глаза (от глагола *зырять* «смотреть»).

Отражению этнических имен в апеллятивной лексике посвящены лишь отдельные статьи. Вместе с тем использование этнических имен в качестве нарицательных характеристик человека – явление очень распространенное и требующее особого исследования.

По мнению исследователей, семантика любого имени лица может быть представлена в виде многослойной структуры, каждый из слоев которой состоит из набора компонентов, характеризующих тот или иной смысловой аспект имени лица. «Данная структура представляет собой матрицу, состоящую из компонентов, обозначающих признаки человека – объекта восприятия, которые осознаются познающим субъектом как онтологически присущие данному объекту» [Саржина 2005: 9].

Таким же образом может быть представлена, на наш взгляд, и семантика этнонимов, выступающих в нарицательном значении.

6. Проблема категоризации этнической семантики.

При исследовании любых языковых категорий неизбежно встают вопросы их структурной организации. Эти вопросы решаются лингвистами по-разному. Один из подходов можно назвать «ярусным». При нем описываемая категория, представляющая определенный формат знания, членится на ярусы, путем отнесения к каждому из них базовых слов-идентификаторов. Так, И.Н.Ивашкевич, рассматривая категорию «Природные пространства», делит ее на четыре яруса: «Первый ярус микросистемы занимают базовые слова-идентификаторы с самым широким пространственным значением: space, area, place. На втором ярусе находятся слова-идентификаторы с более конкретным значением: land, water, которые закладывают фундамент дальнейшего членения категории на определенные тематические группы. На третьем ярусе выделяются субидентификаторы, каждый из которых может стать отдельным словом-идентификатором и начать дробление категории на субкатегории. Замыкает данную схему четвертый ярус – это конкретизаторы, которые детализируют категорию и, таким образом, значительно увеличивают и расширяют ее объем» [Ивашкевич 2007: 46].

При исследовании регионального этнонимикона также необходимо выяснить, каким образом происходит категоризация этнической семантики, какие концепты образуют категорию этничности.

Этнонимы как средства репрезентации категории этничности являются ключевыми словами для национальной русской культуры, к которым относят обычно «слова не только с высокой частотностью употребления в повседневной речи, но и обладающие историческим «багажом», позволяющим рассматривать семантическую структуру данных слов с учетом их концептуального содержания» [Семененко 2001: 198].

Данная категория обладает не только лингвистической, но и когнитивной значимостью. Единицы ее достаточно частотны, структурно просты и достаточно информативны – они не только способствуют распознаванию объекта, но и его противопоставлению другим объектам.

7. Проблема системной организации этнонимической лексики.

Названия народов, функционирующие в рамках определенной территории, безусловно, образуют некую систему взаимосвязанных единиц. Эту систему, на наш взгляд, логичнее всего представить в виде семантического поля. Однако вопросы конструирования регионального поля этнонимии в современной науке остаются открытыми. Попытка выстроить такое поле на примере этнонимии Пермского края осуществлена нами в [Сироткина 2009].

8. Проблема изучения этностереотипов.

В рамках той или иной этнической культуры формируются представления о различных этносах. Эти представления отражаются в языковой картине мира через набор оценочных смыслов, которые, в свою очередь, находят отражение в национально-культурных стереотипах.

Исследованием этнических стереотипов русских и коми-пермяков занимаются пермские психологи. «Этническая психика», по наблюдениям Т. А. Поповой, насыщена стереотипами о себе, о других этносах, а также представлениями данного этноса о том, какие представления имеют данные этносы о нем» [Попова 2006: 26].

При описании регионального этнонимикона также не обойтись без анализа проблем этнических стереотипов.

Таким образом, актуальных проблем в региональной этнонимии достаточно, и решение их требует от лингвистов многого: привлечения для анализа местного языкового материала, использования новых научных методов, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также лексикографической обработки материала и создания словарей.

Библиографический список

1. Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 424 с.
2. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб., 2005. 457 с.
3. Ивашкевич И.Н. К вопросу о границах и строении категории «Природные пространства» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009.

№ 4. С. 43 – 52.

4. Кузеев Р.Г. Этнографические и этнические группы (к проблеме гетерогенности этноса) // Этнос и его подразделения. М.: Наука, 1992. Ч. 1. С. 18 – 24.
5. Попова Т.А. Особенности этнических стереотипов русских и коми-пермяков // Язык, культура, образование в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции. Ч. II. Пермь, 2006. С. 26 – 27.
6. Саржина О. В. Русские инвективные имена лица: комплексный анализ: автореф.... канд. филол. наук. Томск, 2005. 24 с.
7. Семененко Н.Н. Переходные явления в семантической структуре концепта *надежда* в контексте русской пословицы // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков. Великий Новгород, 2001. С. 198 – 199.
8. Сироткина, Т.А. Региональное поле этнонимии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 3. С. 101 – 107.
9. Чагин Г. Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь, 2003. 100с.
10. Черных А.В. Основные этапы этнической истории Прикамья в XVI – XX вв. // Этнический мир Прикамья. Пермь, 2003. С. 7 – 31.

Иванова Ваня Панева
доктор филологии, главный ассистент
Великотырновский университет
им. Святых Кирилла и Мефодия
Болгария, г. Велико-Тырново
e-mail: vania.ivanova1@gmail.com

Ivanova Vanya Paneva
Ph.D., Senior Lecturer
St.Ciril and St.Methodius University
of Veliko Tarnovo
Bulgaria, Veliko Tarnovo
e-mail: vania.ivanova1@gmail.com

В. П. Иванова

ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ – ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И КОНЦЕПЦИИ. ТИПОЛОГИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ

Аннотация. В статье представлены основные концепции в метафорологии, рассматривающие метафору как семантическое явление в рамках структурно-семантического направления в лингвистике и как способ осмысления действительности в когнитивном направлении. Рассмотрены подходы в типологии метафорических переносов, семантические модели и ассоциативные признаки в рамках теории регулярной многозначности, а также концептуальные сферы и понятийные формулы с точки зрения когнитивной теории.

Ключевые слова: метафора, структурно-семантическое направление, когнитивное направление, семантическая модель, ассоциативный признак, концептуальная сфера

V. P. Ivanova

METAPHOR THEORY – MAIN DIRECTIONS AND CONCEPTS. TYPOLOGY OF METAPHORIC TRANSMISSIONS

Annotation. The article presents the main concepts in metaphorology, considering metaphor as a semantic occurrence according to the structural-semantic direction in linguistics and as a way to rationalize reality in the cognitive direction. The approaches in the typology of metaphorical transmissions, semantic models and associative features within the theory of ambiguity, as well as the conceptual spheres and conceptual formulas from the point of view of cognitive theory are considered.

Keywords: metaphor, structural-semantic direction, cognitive direction, semantic model, associative feature, conceptual sphere

Метафора является одним из самых активно исследуемых языковых явлений – с одной стороны как средство семантической деривации и способ концептуализации мира, а с другой – как средство создания художественного образа в художественном тексте.

Метафоре посвящено огромное количество научных работ, которые рассматривают ее со всех возможных сторон, и их число продолжает увеличиваться. В настоящей работе сделаем попытку перечислить и упорядочить в сжатом виде основные концепции в отношении метафоры, принятые в русском языкознании, а также представить типологию метафорических переносов согласно двум основным направлениям в метафорологии – структурно-семантическому и когнитивному.

Термин «метафора» (*μετάφορα* гр. – *перенесение, перенос*) появляется во времена Античности. Ее изучение ведется в рамках риторики и поэтики и связано с построением теории тропов, занимающейся конкретизацией и классификацией типов переносных значений. Метафора понимается как «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [3, с. 669]. Античные риторики считали, что метафорой называются «такие слова, которые ввиду сходства переносятся с одного предмета на другой или ради живости речи, или ввиду отсутствия в языке соответствующего понятию слова ...» [1, с. 218]. Подобная точка зрения сохранилась в основе современных лингвистических исследований, рассматривающих метафору, с одной стороны, как средство обозначения понятий, а с другой – как способ выразительности художественной речи.

1. Метафора – основные направления и концепции

Системное изучение метафоры как элемента языка и речи и ее обособление в качестве самостоятельного объекта исследования в пределах отдельных наук начинается со второй половины XX века. Анализ метафоры ведется в различных научных направлениях, постепенно горизонт исследований явления расширяется и увеличиваются аспекты анализа его природы и особенностей. Например, в 60 – 70 гг. XX века наблюдается четыре подхода к изучению метафоры: номинативно-предметный, формально-логический, психологический и лингвистический, а далее оформляется одиннадцать относительно самостоятельных направлений: семасиологическое, ономасиологическое, гносеологическое, логическое, собственно лингвистическое и т. п. [17, с. 6–11]. В последние десятилетия принято говорить о

сформировавшейся самостоятельной научной области – метафорологии. По словам А.П. Чудинова и Э.В. Будаева, «объектом исследования метафорологии является метафорика, включающая в себя как результаты метафорогенной деятельности человека, так и все механизмы этой деятельности (нейрологический, синестетический, когнитивный, коммуникативный)» [7, с. 31]. Широта объектных и предметных границ метафорологии, продолжает А.П. Чудинов, отражает неоднозначность решения проблемы метафоры в современной науке. Но, ссылаясь на мнение В.В. Петрова, он отмечает, что все многообразие исследовательских подходов к изучению метафоры можно свести к двум основным направлениям – семантическому и когнитивному. «С позиций первого, механизм и результат переноса хорошо описываются посредством концепции значения. В рамках второго – основную роль играет знание» [16, с. 135]. «При семантическом подходе метафора понимается как языковое явление, как способ оформления и украшения мысли, тогда как в основе когнитивного направления лежит представление о том, что метафора – это явление не языковое, а ментальное, соответственно, метафоричность – это особый способ мышления» [7, с. 32].

В соответствии с этими постановками представим указанные два доминирующих направления и основные теории, выдвигаемые в их рамках.

1.1. Семантическое (структурно-семантическое) направление

В русле данного направления представлены работы, в которых рассматриваются отдельные аспекты семантики и структуры метафоры: проводится разграничение буквального и метафорического значений, исследуется взаимодействие значений, наблюдается метафора в языке и речи, выдвигаются критерии метафоричности (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Д. Бикертон, М. Блэк, М. Бирдсли, А. Вежбицкая, В. Г. Гак, Н. Гудмен, Д. Купер, Дж. Миллер, М. В. Никитин, Е. Пернишка, В. В. Петров, А. Ричардс, Г. Н. Склярская, В. Н. Телия и др.).

В рамках семантического направления исследования метафоры разграничиваются два подхода, отличающиеся друг от друга принципом анализа формальной структуры метафоры –

традиционный и интеракционистский.

1) Традиционный подход, в соответствии с представлениями об языке как упорядоченной системе, относительно автономной от речевой деятельности, рассматривает метафору как явление лексикологического порядка, функционирующее в структуре значения лексемы. В этом плане выделяются несколько теорий: субститутивная, сравнительная и теория словесных оппозиций.

• **Теория метафоры как замещения (субститутивный подход)**

Согласно этой концепции метафорическое слово служит для передачи смысла, который в принципе мог бы быть выражен буквально. По мнению М. Блэка, любую теорию, рассматривающую метафорическое выражение как эквивалент некоторого другого выражения, можно считать проявлением субституционального взгляда. «Согласно этой точке зрения, метафорическое выражение, назовем его М, является субститутом некоторого другого – буквального (*literal*) выражения, скажем, L, которое, будучи употреблено вместо метафоры, выражало бы тот же самый смысл» [6, с. 159]. Автор использует М вместо L; задача читателя – осуществить обратную замену: на основе буквального значения выражения М установить буквальное значение выражения L. Понимание метафоры подобно дешифровке кода или разгадыванию загадки. Использование метафоры, во-первых, может быть объяснено отсутствием буквального эквивалента в языке. Во-вторых, метафора может быть употреблена как чисто орнаментальное средство, только в целях стилизации и придания речи красоты [6, с. 158-159].

• **Сравнительная теория (компаративный подход)**

Компаративная теория излагается в работе Дж. Миллера [13], в трудах Д. Купера [21] и Н. Гудмена [8] и считается продолжением традиционной концепции замещения. Согласно этой теории метафора является выразительным переосмыслением обычного названия. То есть, любая фигура речи, содержащая семантическое изменение, возникает вследствие трансформации буквального значения. В случае метафоры трансформирующую функцию выполняет сходство, выявляемое при сравнении двух объектов. Метафора фактически становится усеченным сравнением, в котором

опускаются элементы типа «подобно» и «как». Основанием метафоры является наличие схожих характеристик в структуре значений двух сопоставляемых объектов, которые предполагаются, но не выражаются эксплицитно.

• Теория конфликта (теория словесных оппозиций)

Теория конфликта имеет противоположную компаративной концепции направленность исследования и основывается на несходстве. Она впервые введена под этим названием в книге М. Бирдсли «Эстетика» (Aesthetics) [20], а впоследствии дополнена им в статье «Метафорическое сплетение» (The Metaphorical Twist). М. Бирдсли считает, что применение постулатов теории сравнения может привести к неправильным трактовкам метафоры, если при ее употреблении имеются в качестве основы коннотации, относящиеся к данному контексту, но не отражающие качества объекта в общем случае. Он утверждает, что эффект метафоры зачастую возникает за счет обращения не к денотату, а к коннотату языковой единицы. Развивая свою идею, М. Бирдсли выделяет два набора свойств интенционала слова: первый (центральный) включает те характеристики, которые составляют необходимые условия для правильного употребления слова в определенном контексте; второй (побочный) охватывает те свойства, которые считаются маргинальными, зачастую имеют случайный характер и называются коннотациями [5, с. 207]. Сдвиг от центрального к маргинальному значению и есть метафорическое употребление слова. Иными словами, свойство, являющееся основанием метафорического переноса, обнаруживается не в системе характеристик, присущих самому объекту, а в ассоциациях, которые связываются с употреблением слова, обозначающего объект.

Мнение о коннотативных основаниях метафорического употребления слов разделяется также в трудах М. В. Никитина, Ю. Д. Апресяна, Г. Н. Складневской и др. Рассматривая семантику слова как сложную избыточную структуру, Г. Н. Складневская развивает идею о наличии определенных множеств характеристик в лексическом значении. Внутренняя организация слова подразделяется на денотативное содержание, обладающее ядром и периферией, и коннотативное окружение, представляющее собой не

конгломерат разрозненных элементов, несущих дополнительную информацию об объекте, а иерархически организованную систему, в которой могут быть выделены разные уровни. При метафоризации, относящиеся к сфере коннотации признаки исходного номинативного значения, входят в денотативное содержание нового метафорического значения и становятся его ядерными семами [17, с. 47].

2) Интеракционистский подход

При интеракционистском подходе объектом исследования становится метафорическое значение, возникающее вследствие взаимодействия слов в структуре словосочетания. Этот подход относится к более широкому пониманию метафоры как явления синтаксической семантики. Данная трактовка находит наиболее полное отражение в трудах А. Ричардса и теории интеракции М. Блэка.

• Теория метафоры как взаимодействия (интеракционистская концепция)

В основе указанной концепции лежит идея А. Ричардса о том, что в рамках метафорической конструкции находятся два разрозненных представления, и в результате их взаимодействия на семантическом уровне возникает новое понятие. Явление метафоры обладает многокомпонентной структурой, включающей начальную (original) мысль – tenor (то, о чем действительно говорится), позаимствованную (borrowed) мысль – vehicle (то, с чем сравнивается начальная мысль), основание метафоры (the ground of metaphor) – основание для сравнения начальной и позаимствованной мыслей [24, с. 104].

М. Блэк разрабатывает эту теорию в своей книге «Models and metaphors», далее развивает и дополняет ее в своей работе «More about metaphor» Определяя способ осуществления метафоризации, Блэк вводит понятия «основной субъект» (principal subject – по терминологии Ричардса – tenor) и «вспомогательный субъект» (subsidiary subject – соответственно, vehicle). Как основной, так и вспомогательный субъекты обладают определенным набором свойств и ассоциативных импликаций, организованных в концептуальные системы, которые получают название «системы

общепринятых ассоциаций» (systems of associated commonplaces) [6, с. 164]. Метафора представляет собой взаимодействие двух концептуальных систем в целях применения к основному субъекту свойств и ассоциативных импликаций ее вспомогательного субъекта. Тогда основной субъект как бы просматривается через фильтр свойств вспомогательной системы таким образом, что вспомогательный субъект отбирает, выделяет и организует характерные черты основного субъекта. При этом М. Блэк полагает, что понимание метафоры дает в результате действительный сдвиг в значении: импликации и взаимосвязь концептуальных систем могут изменяться в результате понимания метафоры.

Выдвинутая М. Блэком теория взаимодействия находит отражение и развивается в русской лингвистике в трудах В. Н. Телии, Н. Д. Арутюновой и др. В концепции Н. Д. Арутюновой изъясняется отношение между субъектами с точки зрения механизма метафоризации. Она утверждает, что в построении метафоры участвуют четыре компонента, лишь частично эксплицируемые в ее поверхностной структуре – две сущности (два объекта) и некоторые свойства каждого из этих объектов. Два предметных компонента, т.е. два объекта могут интерпретироваться или как внеязыковые материальные сущности (референты), т. е. могут быть отнесены к онтологии, или как отражение этих сущностей в человеческом сознании (представления, понятия). Другие два компонента – признаки предмета – могут интерпретироваться либо как логические понятия, либо как лингвистические категории, т. е. значения слов. Значение метафоры (внутренняя форма нового названия), согласно этой концепции, определяется признаками вспомогательного субъекта [4, с. 170–171].

1.2. Когнитивное направление

Основные положения когнитивнонаправления сформулированы в исследованиях Д. Дэвидсона, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, С. Левина, Э. МакКормака, Дж. Серля, М. Тернера и Ж. Фоконье. В русской лингвистике они дополнительно развиты в трудах А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова, Е. С. Кубряковой, И. М. Кобозевой, Э. В. Будаева, А. П. Чудинова и др. Этот подход во многом обусловлен развитием семантического направления, но

выходит за рамки семантико-структурных концепций, опираясь на методологию и достижения прагматической и когнитивной теории в исследовании семантики.

В основе когнитивной теории лежит гипотеза о существовании в сознании определенных отношений между группами понятий, способных структурировать одни понятия в терминах других с помощью внутренних структур знания. Для раскрытия сущности метафорического переноса следует предположить существование глубинных структур человеческого разума «в качестве устройства, порождающего язык» [12, с. 358]. Д. МакКормак рассматривает эти глубинные структуры на семантическом и когнитивном уровне, с целью продемонстрировать, что «в основе семантического процесса лежит процесс когнитивный». Путем определенных иерархически организованных операций человеческий разум сопоставляет семантические концепты, в значительной степени несопоставимые, что и является причиной возникновения метафоры. Таким образом, в понимании когнитивной науки метафора представляет собой отражение базового когнитивного процесса на языковом уровне.

Среди огромного количества работ, посвященных этой теме, наибольшую известность приобрела книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», определившая общее название концепций подобного рода как «теория концептуальной метафоры». Далее указанная теория дополнительно развивается Дж. Лакофом в «The Contemporary Theory of Metaphor» [23].

• Теория концептуальной метафоры

Теория концептуальной метафоры рассматривает данное явление прежде всего как когнитивную операцию над понятиями. Метафора является средством концептуализации, которое позволяет осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в других областях. Согласно этой концепции, метафора – неотъемлемая часть сознания и проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [11, с. 388]. Таким образом метафора выводится за грань языковой

системы и рассматривается в качестве феномена взаимодействия языка, мышления и культуры. Концептуальная метафора дифференцируется от метафорического выражения, причем особо подчеркивается, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [23, с. 203].

Согласно теории концептуальной метафоры, переносу подвергается не изолированное имя (с присущим ему прямым номинативным значением), а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активируемая некоторым словом (фокусом метафоры) в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной концептуальной структурой. Концептуальные метафоры определяют в языке способы номинации «однородных» понятий через серии метафор, базирующихся на общих или сходных ассоциациях, охватывая таким образом целые идеографические поля. Иными словами, концептуальные метафоры – это устойчивые соответствия между двумя областями «областью-источника» и «областью-цели», зафиксированные в языковой и культурной традиции общества. Сам механизм метафоризации объясняется авторами следующим образом: при образовании метафоры используется двухступенчатая модель, включающая указанные две когнитивные области (domains) – область-источник и область-цель с их метафорическим соответствием (mapping). Область-источник соотносится с понятием, на основе которого будет создана метафора. Она представляет собой известное, знакомое; знание о мире, конструированное на базе повседневного человеческого опыта. Область-цель соотносится с новым знанием, которое все еще не усвоено, а предстоит усвоить и назвать. Метафора создается при помощи когнитивного механизма – метафорического «меппинга», т. е. проектирования, наложения значения из одной области знания на другую. Таким образом, сферы человеческой деятельности представляются в языке определенными, заданными концептуальными метафорами, углами зрения.

• **Теория концептуальной интеграции (смешения, blending)**

Другая теория в рамках когнитивного направления разработана М. Тернером и Ж. Фоконье [22]. Авторы представляют свой подход как «теорию концептуальной интеграции (смешения)» и для

объяснения метафоризации используют четырехступенчатую модель. Под концептуальной интеграцией ученые понимают базовую когнитивную операцию, которая осуществляется на различных уровнях абстракции и имеет четкую структуру, включающую в себя два исходных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и смешанное пространство (blended space) или бленд (blend). Первые два ментальных пространства у Ж. Фоконье и М. Тернера по сути соотносятся со сферой-источником и сферой-целью в теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В концепции Тернера и Фоконье указанные сферы представляют собой ассоциативные структуры сознания, в которых находятся образы (концепты) того, что надо выразить и того, что служит этой цели посредством уподобления. Другие две сферы – общее пространство и смешанное пространство – это динамические структуры сознания, возникающие в ходе обработки исходной информации. Наложение исходной сферы на сферу цели формирует сферу обобщения (generic space), с концептом, соединяющим в своем содержании общее для концептов на входе. В зоне смешения (blended spaces) происходит интеграция исходных концептов. Бленд заимствует из исходного пространства только часть структуры (признаки из фоновых знаний говорящих, релевантны для целей наложения концепта) и образуется для понимания конкретной ситуации или контекста – вследствие этой интеграции возникает метафорическое понятие.

2. Типология метафорических переносов

2.1. Метафорические переносы в свете теории регулярной многозначности

«Системный подход к языковой метафоре позволяет обнаружить и описать направления метафорических переносов в их многообразии, взаимной связи и зависимости» [17, с. 80]. Все явления реального мира, охватывающие как материальные, так и идеальные сущности, могут быть вовлечены в процесс метафоризации, при этом метафорический перенос совершается в определенных направлениях в достаточно жесткой последовательности. Обычно для обособления типов переносов в качестве классификационных элементов берутся определенные лексико-семантические группы значений, или «семантические

сферы» – в терминологии Г. Н. Скляревской [17, с. 67]. В исследовании, посвященном метафоре в системе языка, Г.Н. Скляревская представляет в обобщенном и схематизированном виде следующие восемь типов метафорических переносов: **предмет** → **предмет**: *гора* (книг, документов), *паутина* (решетки), *лавина* (писем); **предмет** → **человек**: *крошка* (о ребенке), *котелок* (о голове), *море* (людей); **предмет** → **физический мир**: *каскад* (звуков, света), *стена* (огня), *веер* (лучей); **предмет** → **психический мир**: *звезда* (удачи, счастья), *болото* (невежества), *гранит* (науки); **предмет** → **абстракция**: *жемчужина* (архитектуры), *цепь* (приключений), *вагон* (работы); **животное** → **человек**: *акула*, *баран*, *тюлень*; **человек** → **человек**: *актер*, *разбойник*, *аскет*; **физический мир** → **психический мир**: *весна* (жизни), *буря* (восторга), *запах* (истории) [17, с. 81–95].

Л. А. Новиков приводит примеры метафорических переносов только на материале слов, объединенных в лексико-семантическую группу ‘*homo sapiens*’. Он отмечает следующие метафорические связи лексико-семантических вариантов (семем), обращая внимание также на их экспрессивно-стилистический характер: **предмет** → **человек** – а) ‘ценный предмет’ → ‘человек’ (положительная, высокая оценка): *звезда* (экрана), *клад* (не работник, а клад); б) ‘неценный бытовой предмет’ → ‘человек’ (отрицательная, стилистически сниженная оценка): *колода*, *мешок*, *дубина*; **растение, дерево** → **человек** (с отрицательной, сниженной оценкой): *лопух*, *дуб*, *дичок*; **животное** → **человек** – а) с положительной оценкой: *кит*, *орел*, *лев*; б) с отрицательной, стилистически сниженной оценкой: *медведь*, *корова*, *кабан*; **сверхъестественное существо** → **человек** (как носитель определенных качеств): *ангел*, *демон*, *богатырь* и др. [14, с. 200–202].

В принципе при изучении метафоры авторы обращают большее внимание на ассоциативные связи между значениями (в других трактовках – метафорические признаки, мотивирующие признаки метафоризации, семантические посредники метафоризации, общие семантические элементы (компоненты), а также «символы метафоры» [17, с. 47] и др.). Определяя мотивацию метафоризации, различные авторы выделяют разнообразные ассоциативные

признаки-основания, которые формулируются неодинаковым образом на различных уровнях абстракции. Нередко не проводится разграничение с точки зрения принадлежности слова к определенной части речи, выражающей переносное значение, или наоборот – метафоризация рассматривается только в границах определенной части речи.

Например, Л. А. Новиков выделяет в качестве оснований метафорического переноса ассоциативные связи **по сходству формы, внешнего вида, производимого впечатления**: *конь* ‘шахматная фигура’, *пояс* ‘климатическая зона’, *пасмурный* – вид, лицо, глаза, **по сходству местоположения**: *голова* ‘передняя часть колонны’, *подвал* ‘статья во всю нижнюю часть газетного листа’; **по сходству структуры действия**: *охватить* ‘захватить в свои пределы, обнять’ – *пламя охватило здание, охватить умом что-либо*; **по сходству структуры оценки**: *высокий* ‘большой по протяженности ...’ – ‘превышающий средний уровень ...’ (*мачта – урожай*); **по сходству функции**: *дворник* ‘устройство для вытирания смотрового стекла автомашины’ [14, с. 198–200].

Рассматривая регулярную многозначность имен существительных, Ю. Д. Апресян выделяет 51 значение, из которых только два относятся к метафорическому переносу и сформулированы следующим образом: ‘животное’, ‘насекомое’ – ‘человек, **похожий** на него (*баран, бегемот, ворона* и т. п.) и ‘предмет’ – ‘то, что **похоже** на этот предмет **по форме**’: *голова* (сыру), *груша* (боксерская), *кольцо* (трамвайное) и т.п. [2, с. 203].

В исследовании лексической многозначности имен существительных в болгарском языке Е. Пернишка выделяет 11 семантико-номинационных категорий метафоры в соответствии с мотивирующим признаком переноса. Указанная классификация охватывает основную часть ассоциативных признаков, отмеченных в других, известных нам типологиях. Согласно классификации Е. Пернишкой метафорический перенос осуществляется вследствие ассоциации по сходству на основе **формы**: *бомбе* ‘заоблена предна част на обувка’; **внешнего физического качества**, напр. *размер: фъстък* ‘за дребен, малък човек’ или *цвет: сняг* ‘бяла пухкава маса от разбит белтък’; **внутреннего физического качества**:

букет ‘свкупност от ароматни и вкусови качества на вино’; **внутреннего (психического, нравственного, интеллектуального) качества:** *аристократ* ‘изтънчен, изискан човек’; **функции/деятельности:** *барометър* ‘проява, която показва промяна на дадено положение’; **способа действия/функции:** *дипломат* ‘човек с гъвкавост, такт, който умело постига целите си’; **результата/эфекта действия:** *бомба* ‘нещо, което изненадва, поразява’; **оценки:** *богатство* ‘духовни качества, които ползват хората’; **места:** *поли* ‘долна част на планина’; **времени:** *генерация* ‘организми, възникнали в един период’ и **количества:** *армия* ‘голям брой хора, обединени с обща задача’ [15, с. 228–241].

В других современных разработках болгарских ученых обнаружены также признаки **свойство:** *папка* ‘свкупност от организирани по определен начин (в йерархия) файлове’; **цель действия:** *рехабилитация* ‘ремонтиране на остарели или повредени съоръжения, пътища и др. с цел възстановяване на техния капацитет и експлоатационни качества’; **характеристика, особенност:** *екшън* ‘конфликт, обикн. сбиване между лица, понякога свързано с преследване, престрелки и др.’ [10, с. 17–27].

2.2. Когнитивный подход в типологии метафорических переносов

В когнитивных трактовках, как было отмечено, метафора – это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Что касается типологии метафоры, с такой точки зрения различаются ориентационные метафоры (они опираются на пространственные оппозиции типа «верх – низ», «центр – периферия», «больше – меньше» и т.п.), онтологические метафоры (например, представление человеческой души как некоего вместилища чувств; представление неодушевленных предметов как живых существ) и структурные метафоры, которые дают возможность использовать одну понятийную сферу для описания другой. Например, течение спора нередко описывается как боевые действия, жизнь человека – как путешествие [18, с. 38; 9, с. 171].

При когнитивном анализе метафорических переносов элиминируются все ограничения, определяющие особенности традиционного подхода, в том числе не только требования о принадлежности рассматриваемых элементов к одной лексико-семантической группе или хотя бы к одной части речи, но и ограничения, связанные с уровнями языка. Как отмечает А. П. Чудинов, в рамках единой системы рассматриваются собственно лексические единицы, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы (поговорки, афоризмы и т.п.). К анализу привлекаются не только собственно метафоры, но и другие тропы: метафорический эпитет, сравнение, ирония, гипербола, литота и т.п. [18, с. 43]. Нередко не проводится разграничение между метафорой и метонимией – явления, которые по сути имеют качественно различный механизм развития.

Используемая в когнитивистике методика описания типовых переносов во многом зависит от задач исследования, его материала и теоретических взглядов исследователя [18, с. 46]. Основными компонентами метафорического акта в качестве когнитивного процесса являются **сфера-источник** (сфера-донор) – исходная понятийная область, откуда берется номинативная единица в прямом значении; **сфера-цель** (сфера-мишень, сфера-реципиент) – новая понятийная область, направление метафорической экспансии; **типовые** для данной модели **сценарии**, отражающие наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций (например, сценарий «войны» предполагает ее подготовку, объявление, ведение боевых действий с использованием разнообразного оружия, возможность ранения и смерти участников боев, победу или поражение и т.п.); относящиеся к данной модели **фреймы**, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу). Такими фреймами, в частности, являются названные выше составляющие сценариев «войны» и «путешествия». Далее выделяются составляющие каждый фрейм **слоты**, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. Например, фрейм «Вооружение» включает такие слоты, как «огнестрельное и

холодное оружие», «боевая техника», «боеприпасы» и т.п. При характеристике составляющих слота используется термин «концепт»; для обозначения концептов чаще всего используются слова естественного языка. Концепт в отличие от лексической единицы (слова) – это единица сознания, ментального лексикона, а совокупность всех существующих в национальном сознании концептов образует концептуальную систему, концептосферу [18, с. 46–48].

Что касается метафорической модели – существующей и/или складывающейся в сознании носителей языка схемы связи между понятийными сферами, ее представляют бинарной формулой: «**Х – это Y**» (политическая деятельность – это война, избирательная кампания – это путешествие, политические ресурсы – это деньги и т.п.) [19, с. 70].

Итак, в настоящей статье сделана попытка представить основные концепции в изучении метафоры в пределах двух направлений – структурно-семантического и когнитивного. Представлены также подходы в типологии метафорических переносов, семантические модели и ассоциативные признаки в рамках теории регулярной многозначности, а также концептуальные сферы и понятийные формулы с точки зрения когнитивной теории.

Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля. Фрейденберг О. М. (ред.) М.; Л.: ОГИЗ, 1936. – 344 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка), 2-изд., испр. и доп., М., 1995. – 408 с.
3. Аристотель Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. – 793 с.
4. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика – М.: Наука, 1979. – С. 147–173.
5. Бирдсли М. Метафорическое сплетение // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. – С. 201–219.
6. Блэк М. Метафора. // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. – С. 153–173.
7. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 215 с.
8. Гудмен Н. Метафора – работа по совместительству // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. – С. 194–201.
9. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. –

352 с.

10. Колковска С. Нови метафорични и метонимични значения в българския език, възникнали при съществителни имена // Български език, София, 2012, № 4. – С. 17–27.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. – С. 387–416.
12. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. – С. 358–387.
13. Миллер Дж.А. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. – С. 236–284.
14. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
15. Пернишка Е. За системността в лексикалната многозначност на съществителните имена, София: БАН, 1993. – 276 с.
16. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990, № 3. – С. 135–138.
17. Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. – 152 с.
18. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т., Екатеринбург, 2001. – 238 с.
19. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т., Екатеринбург, 2003. – 248 с.
20. Beardsley M.C. Aesthetics: Problems in the Philosophy of criticism. – Hackett Publishing Company Inc., Indianapolis, Indiana, 1981. – 615 p.
21. Cooper D. Metaphor. Aristotelian Society, vol.5. – Oxford, Basil Blackwell, 1986. – 282 p.
22. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. – P. 303–371.
23. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / A. Ortony (ed.). Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Second edition. – P. 202–251.
24. Richards I. A. The Philosophy of Rhetoric. – Oxford University Press. New York, 1965. – 138 p.

Ангелова Анна Вадимовна
доктор филологии, гл. ассистент
Софийский университет им. Св.
Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: av_angelova@abv.bg

Angelova Anna Vadimovna
Chief Assist., Ph.D.
Sofia University St. Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: av_angelova@abv.bg

А. В. Ангелова
**«РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР» КАК ФРАГМЕНТ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(на материале фитонимов русского и болгарского языков)**

Аннотация. Статья посвящена изучению фитонимического фрагмента национальной языковой картины мира: народных наименований растения *дурнишник обыкновенный* (болг. *бутрак*) (*Xanthium strumarium* L.), входящего в тематическую группу «Лекарственные травянистые растения семейства «Сложноцветные (Compositae)», выделению номинативных рядов, включающих наименования, отражающие разные свойства растительной реалии, определению принципов и способов номинации, указывающих на возможность выражения мотивировочных признаков, а также выяснению степени продуктивности каждого признака при обозначении растительной реалии в системе двух языков (русского и болгарского).

Ключевые слова: национальная языковая картина мира, номинация, способы образования наименований, принцип номинации, русский язык, болгарский язык

A.V. Angelova
**«PLANT WORD» AS A FRAGMENT
OF THE NATIONAL LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD
(based on phytonyms of the Russian and Bulgarian languages)**

Abstract. This article is devoted to the study of the phytonymic fragment of the national linguistic picture of the world: the common names of the plant cocklebur ordinary (Bulgarian *butrak*) (*Xanthium strumarium* L.), included in the thematic group »Medicinal herbaceous plants of the family Compositae«, the division in different nominative series, based on names that reflect the different properties of the plant, determining the principles and methods of nomination, indicating the possibility of expressing motivational signs, as well as determining the degree of productivity of each trait in the designation of plant characteristics in the system of the two languages

(Russian and Bulgarian).

Keywords: national linguistic picture, naming, methods for naming, naming principle, Russian, Bulgarian

Известно, что в процессе познания предметов и явлений окружающей действительности в сознании индивида формируются инвариантные образы в виде представлений и понятий, выраженных в речи звуковым комплексом, словом. Вероятно поэтому можно думать, что история освоения лекарственных растений – это одновременно и история их познания, формирования соответствующих понятий о них с помощью образования языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, а следовательно, процесса вербального упорядочения приобретенных знаний об окружающей действительности, определенной общностью людей. Это дает основание считать, что фитонимическая лексика имеет прямое отношение к национальной языковой картине мира.

Целью нашего исследования является изучение фрагмента национальной языковой картины мира, а именно: наименований растения *дурнишник обыкновенный* (болг. *бутрак*) (*Xanthium strumarium* L.), относящегося к тематической группе «Лекарственные травянистые растения семейства Сложноцветные (Compositae)» в системе двух языков (русского и болгарского), определение мотивировочных признаков и принципов, заложенных в основу номинации, а также способов образования наименований лекарственного травянистого растения.

Латинское имя: *Xanthium strumarium* L. из семейства Compositae (Сложноцветные).

Названия в русском языке: дуркоман, дурманник, дурника, дурничник, дурнишник зобоватый (зобовидный), ежовник, желтник, зобник, зоб – трава, коловатник, ка(о)люка, колючка, колючки, овечий репейник, овечий рипяшок, репей, репей колкий, репейник, репях, реп(ь)яшок, репяшки, свинки, собачки, чесотник.

Названия в болгарском языке: бутрак, бодил, мишкини бодили, свиница, свиници, свинкье, чичек, чичек, чичка, чичка.

Дурнишник обыкновенный (болг. бутрак) – однолетнее травянистое растение с прямостоячим, ветвистым, шероховатым стеблем, листьями с острыми крупнозубчатыми лопастями и

округлыми, колючими плодами, часто цепляющимися за шерсть животных. *Дурнишник обыкновенный* является ядовитым растением. Встречается у жилья, в огородах, возле дорог, на полях, пустырях, по берегам рек. Растет в качестве сорного растения повсюду за исключением районов Крайнего Севера.

Внешне непривлекательное растение имеет свои достоинства, т.к. обладает превосходными лечебными, а также красящими свойствами. Так, научное наименование рода происходит от греч. *ξανθός* – желтый, по использованию растения в качестве натурального красителя растительного происхождения, т.к. его листья и корни применяются для окрашивания тканей и пряжи в желтый цвет.

По-видимому, наименование *желтник* [5, с. 100] для обозначения *дурнишника* обыкновенного в русском языке отражает его функциональное предназначение – «использование» в быту.

Можно предположить, что наименования *дурнишник*, *дурничник*, *дуркоман*, *дурманник*, *дурника* образованы от «дурь» – названия сорных или ядовитых растений [15, с. 273] с о.-с. корнем **dur-*, происхождение которого в деталях не вполне ясно [21, с. 275]. Хотя, вероятнее, благодаря множеству полезных свойств, которым обладает *дурнишник*, в основу номинации положен функциональный признак, указывающий на практическое применение лекарственного растения в народной медицине.

Следует отметить, что наименование *бутрак* [4, с. 313; 8, с. 93] в болгарском языке образовано от *бѣтур* со значением ‘пѣн, дѣнер’ + -ак у выпадает. Согласно R. Aitzetmüller, *zfsIPh* 22 (1954), 366, от корня **bheu-*, **bhou-* ‘раста’ [2, с. 93]. Логично думать, что в основе наименования *бутрак* отмечен характерный признак – «надебелените корени» [2, с. 70] *дурнишника обыкновенного*.

Кроме того, лексема *бутрак* в болгарском языке обозначает и другие сорные, колючие растения: «магарешки бодил, *Carduus*, чумотрън, *Xanthium spinosum* и др.» [2, с. 93], т.е., в данном случае представлен «специфический признак» на основе отношения подобия *дурнишника обыкновенного* с другими травами.

По-видимому, благодаря колючим плодам, цепляющимся за шерсть животных и внешнему сходству *дурнишника обыкновенного* с

репейником – видом травянистого растения *лопух большой* (*Arctium lappa* L.) (болг. репей) из рода Лопух (*Arctium*) семейства Сложноцветные (*Compositae*) в русском языке растение именуют *овечий репейник, овечий рипяшок, репей, репей колкий, репейник, репях, реп(ь)яшок, репяшки*, а также *собачки* [1, с. 384; 10, с. 381], т.к. растение имеет «цѣпкое сѣмя» [7, с. 251], т.е. способность плодов-семянков растения цепляться за шерсть животных, по-видимому, реализуется путем метафорического переноса названия животного на определяемую растительную реалию.

Следует отметить, что при обозначении как самого растения, так и его плодов-семянков в русском языке используется метонимический перенос по типу «растение (репей) → плод-семянка растения (репей)».

Кроме того, лексема *собачки* [1, с. 384] обозначает: 1) растение *Agrimonia eupatoria*, *репей*; 2) растение *Videns*, *череда*; 3) растение *Сynoglossum*, *живокость*; 4) растение *Linaria*, *жолунец*; 5) растение *Potentilla*, *червец*; 6) растение *Erythronium*; 7) растение *незабудка, липучка, репяшек*, *Echinosperrnum* [7, с. 251], т.е., в основном, растения, имеющие плоды-семянки, с цепкими щетинками и крючками.

Номинации болгарского языка *чйчек, чичѣк* и *чйчка, чичкѧ* [6, с. 317] получены также на основе перенесения по сходству характерных признаков лекарственных травянистых растений.

Как отмечает М. Виденов, «названията от основа чич-, която може би е турска по произход (срв. тур. *çiçek* ‘цвете’), са образувани, като е именуван цветът на растението или по-точно специфичните му плодове, които са във вид на топчета с многобройни кукички» [6, с. 318], т.е., вероятно, в болгарском языке растение именуется по сходству колючих плодов *дурнишника обыкновенного* (болг. *бутрак*) с плодами *лопуха большого* (болг. *репей*).

Видимо, использование прилагательного в наименовании *мишкини бодили* [4, с. 313] в болгарском языке отражает применение семян растения в борьбе с грызунами, т.к. мыши не любят цепкие семена и покидают опасное место.

Как известно, колючесть является характерным признаком ряда сорных растений (в том числе *дурнишника обыкновенного*),

используемых в апотропеической, отгонной, лечебной магии. Использование колючих растений, как и острых предметов, в магических практиках определялось их способностью впиваться в тело, причинять боль, ранить. Вероятно, поэтому, наименования ‘растения *коловатник* [1, с. 384; 10, с. 381] в русском языке от *коловатый* ‘колючий, с колючками’ [17, с. 149] и *бодил* [4, с. 313] в болгарском языке от *бодà, бòдвам, бòдна* ‘допирам с остро, мушкам’, от –ие. *bhod-, *bhōd, срв. лит. badaũ, badyti ‘бода, жила’ [2, с. 61] акцентируют внимание на вышеуказанный признак.

Кроме того, для обозначения как самого растения, так и его острых отростков в болгарском языке применяется метонимический перенос по типу «растение (бодил) → острый отросток растения (бодил)».

Наименования *ка(о)люка, колючка, колючки* [1, с. 384; 10, с. 381; 17, с. 217, 219) в русском языке также обращают внимание на определенное свойство растения, направленного на какой-либо объект, т.к. слово «колоть – общеславянское индоевропейского характера. Восходит к *kolti- «колоть» и «бить, ударять» [22, с. 157].

Следует отметить, что *ка(о)люкой, колючкой, колючками* именовали различные колючие растения из родов *Spicus, Cirsium, Carduus, Centaurea, Onopordon, Xanthium* и др. [17, с. 217, 219].

Кроме того, полисемант *калюка* связан с омонимом *ѣж* [17, с. 217] со значением ‘небольшое животное с иглами на теле’ [12, с. 245].

Наименованием, отражающим метафорически плоды растения, колючие семянки, в русском языке является *ѣжовник* [10, с. 381]. В.А. Меркулова считает, что «праславянское *ežina как название колючего растения могло быть связано со словом *ežь ‘еж’, но могло быть и независимым образованием от и.-е. корня *egh – «колоть» и только впоследствии сблизиться со словом *ežь» [11, с. 219].

Можно думать, что наименования *коловатник* и *ѣжовник* в русском языке, указывая на отличительный признак реалии (наличие колючек), определяют способы номинации (прямой и опосредованный, или метафорический). В первом случае мотивировочный признак выражается словами с прямым значением, а во втором – обозначается на основе отношения подобия, по

ассоциации с одушевленным объектом, т.к. наименование указывает на наличие округлых, колючих плодов у дурнишника обыкновенного и является производным от др.-русск. «ежь ‘еж’» [20, с. 141].

Несмотря на неблагозвучное название, непривлекательный внешний вид и практическую непригодность для сельского хозяйства, *дурнишник обыкновенный*, благодаря своим свойствам, был широко известен в народной медицине.

Следует отметить, что растение использовали при лечении бешенства (болг. *бяс*) (лат. *rabies*) – инфекционной болезни, передающейся при укусе бешеным животным и характеризующейся поражением нервной системы [18, с. 43].

Вероятно поэтому, «Словарь русских народных говоров» фиксируют лексику *дурь* со значениями: 1) сумасшествие, помешательство, бешенство и 2) гной [15, с. 273], а «Историко-этимологический словарь современного русского языка» – со значением ‘скопившийся в нарыве гной’ [21, с. 272], т.к. отвар корней *дурнишника* обыкновенного использовали не только при бешенстве (дури), но и при различных кожных заболеваниях, симптомами которых являлись гной, отек и некроз тканей.

Можно думать, что в русском языке наименованием *чесотник* [1, с. 384] от *чесотка* (болг. *краса*) (лат. *scabies*) – кожного заболевания, проявляющегося в виде пузырьковой сыпи и зуда [19, с. 2012], *дурнишник обыкновенный* именуют по той же причине, т.к. признак исследуемого лекарственного растения связан с функциональным предназначением – использованием его сырья при заразной кожной болезни.

Интересно отметить, что наименование *свинки* [10, с. 381] в русском языке и *свиница, свиници, свинкье* в болгарском языке [3, с. 551; 4, с. 313] образованы на основе вирусного заболевания – эпидемического паротита (болг. *епидемичен паротит*) (лат. *parotitis epidemica*) или *свинки* (болг. *свинка*), т.к. «названию се дължи на удебелената от възпалението на ушната жлеза. Относно семантиката срв. лат. *scrōfula* ‘подутина, тумор на шията’ (произв. от лат. *scrōfa* ‘свиня’), стгр. *χοιράς* ‘подути железии на шията’ (произв. от стгр. *χοτρος* ‘прасенце, свиня’). Срв. и бълг. диал. свински буци ‘болест заушка’ (Ботевградско). Като се има предвид слабото диалектно

разпространение, българската дума най-вероятно е заета от руски» [3, с. 550].

Можно думать, что вышеуказанные наименования отражают суть растения в возможности его применения при эпидемическом паротите, специфической симптоматикой которого является выраженный отек околоушных слюнных желез.

Следует отметить, что поскольку в лекарственном растении содержится большое количество йода, оно является эффективным средством при лечении заболеваний, связанных с нарушениями йодного обмена.

Дурнишник обыкновенный известен также и тем, что используется при лечении зоба (болг. *гуша*) – стойкого увеличения щитовидной железы, возникающего при различных её заболеваниях [9, с. 136]. Логично думать, что наименования **дурнишник зобоватый (зобовидный)**, **зоб – трава**, **зобник** [10, с. 381] в русском языке образованы от заболеваний щитовидной (эндокринной) железы (болг. *щитовидна жлеза*) (лат. *glandula thyroidea*), при лечении которых используют настойку лекарственного растения.

Кроме того, **зобом** именовали не только заболевание щитовидной железы, но и заболевания горла [16, с. 320], т.е. в основе вышеуказанных наименований отмечается патология органа верхних дыхательных путей.

Итак, материал исследования показал, что номинацию лекарственных травянистых растений можно рассматривать как исторически сложившуюся в сознании определенной общности людей и отраженную в языке совокупность представлений об окружающей действительности, ставшую итогом обработки и структуризации фитонимических знаний в построении национальной языковой картины мира.

Следует отметить, что для обозначения **дурнишника обыкновенного** (болг. *бутрак*) (*Xanthium strumarium* L.) в русском и болгарском языках реализованы принципы номинации по характерным, «специфическим», а также функциональным признакам.

Одним из способов языкового выражения анализируемых признаков номинации в русском и болгарском языках является

прямой способ обозначения колючего растения (русск. *коловатник*; болг. *бодил*). Другим способом номинации является опосредованный (метафорический) способ обозначения (русск. *свинки, собачки*; болг. *бутрак*), обусловивший развитие полисемии (русск. *собачки*; болг. *бутрак*), а также лексической омонимии (русск. *калюка*) как следствие распада многозначного слова, семантического разрыва, произошедшего между его значениями.

При обозначении как самого растения, так и его плодово-семянков в русском языке (русск. *репей*) и острых отростков в болгарском языке (болг. *бодил*) наблюдается метонимический перенос (на основе смежности этих реалий).

Кроме того, нужно отметить следующие заимствования: общеславянские (русск. *дурнишник*), из русского (болг. *свиница*), а также турецкого (болг. *чичек, чичёк*) языков.

Благодаря тому, что растение широко известно своими полезными свойствами, мотивировочные признаки в русском и болгарском языках в основном связаны с предметной деятельностью человека, а именно: в народной медицине дурнишник обыкновенный используется при конкретных заболеваниях (русск. *дурь, зоб, свинка, чесотка*; болг. *свинки*), характерной симптоматике (русск. *дурь*), патологии внутренних органов человека (русск. *зоб*), а также в быту (русск. *желтник*; болг. *мишкини бодили*).

Библиографический список

1. Анненков 1878: Анненков Н.И. Ботанический словарь / Н.И. Анненков. – С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1878.
2. БЕР 1971: Български етимологичен речник / Съставители: В.И. Георгиев и др. Т. I. – София: БАН, 1971.
3. БЕР 2002: Български етимологичен речник / Авторы: В. Анастасов и др. Т. VI. – София: «Проф. Марин Дринов», 2002.
4. БотР 1939: Материали за български ботаничен речник / Събрани от Б. Давидов и А. Явашев, допълн. и ред. от Б. Ахтаров. – София: Придворна печатница, 1939.
5. Бугачев М.В. Научные и народные названия растений и грибов / М. В. Бугачев. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. – 688 с.
6. Виденов М. Названия на репей в българския език. – В: Езиковедски изследвания в памет на проф. Стойко Стойков (1912-1969). – София, 1974. – 315-319 с.
7. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка / Вл. Даль. Т. IV. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей,

1955.

8. Димитрова Л. Речник на названията на лечебните растения / Под ред. на Л. Димитрова. – София: Медицина и физкултура, 1987.
9. Естествознание. Энциклопедический словарь (ЕЭС) / Составитель В.Д. Шолле. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002.
10. Мазнев 2006: Мазнев, Н.И. Основные лекарственные растения. / Н.И. Мазнев. Справочное издание. – Москва: ООО ИКТЦ «Лада», 2006. -1055 с.
11. Меркулова 1967: Меркулова, В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. / В.А. Меркулова. – Москва: Наука, 1967. -259 с.
12. Ожегов 2007: Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под ред. Л.И. Скворцова. – Москва: «Оникс», «Мир и образование», 2007.
13. Попова, Стернин 2007: Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток – Запад, 2007. -314 с.
14. СДЭЛС 1955: Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. II. – Москва: Международные отношения, 1955.
15. СРНГ 1972: Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Выпуск 8. – Ленинград: Наука, 1972.
16. СРНГ 1976: Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Выпуск 12. – Ленинград: Наука, 1976.
17. СРНГ 1978: Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Выпуск 14. – Ленинград: Наука, 1978.
18. СТСРЯ 2007: Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2007.
19. ТЭнц 2006: Толково-энциклопедический словарь / Автор научной концепции и руководитель проекта С.М. Снарская. – Санкт-Петербург: Норинт, 2006.
20. Цыганенко 1970: Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка / Г.П. Цыганенко. – Киев: Радянська школа, 1970.
21. Черных 1994: Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных. Т. I. – Москва: Русский язык, 1994.
22. Шанский, Иванова, Шанская 1961: Шанский, Н.М., Иванова, В.В., Шанская, Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. – Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1961.

Literary sources:

1. Annenkov N.I. Botanicheskiy slovar / N.I. Annenkov. – S.-Peterburg: Tipografia Imperatorskoy Akademii nauk, 1878.
2. BER 1971: Georgiev V.I. Balgarski etimologichen rechnik / V.I. Georgiev i dr. T. I. – Sofiya: BAN, 1971.
3. BER 2002: Anastasov V. Balgarski etimologichen rechnik / V. Anastasov i dr. T. VI. – Sofiya: Prof. Marin Drinov, 2002.
4. BotR 1939: Davidov B., Yavashev A. Materiali za balgarski botanichen rechnik / B. Davidov, A. Yavashev. – Sofiya: Pridvorna pechatnitsa, 1939.

5. Bugachev M.V. Nauchnye i narodnye nazvaniya rasteniy i gribov / M. V. Bugachev. – Tomsk: TML-Press, 2010. -688 s.
6. Videnov M. Nazvaniya na repey v balgarski ezik. – V: Ezikovedski izsledvaniya v pamet na Stoyko Stoykov (1912-1969). Sofiya, 1974. -315-319 s.
7. Dal' VI. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka / VI. Dal'. T. IV. – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i natsional'nyh slovarey, 1955.
8. Dimitrova L. Rechnik na nazvaniyata na lechebnite rasteniya / Pod red. na L. Dimitrova. – Sofiya: Meditsina i fizkultura, 1987.
9. Yestestvoznanie. Entsiklopedicheskiy slovar' (YEES) / Sostavitel' V.D. Sholle. – Moskva: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2002.
10. Maznev N.I. Osnovnye lekarstvennye rasteniya. Spravochnoe izdanie. – Moskva: OOO IKTTTS «LADA», 2006. -1055 s.
11. Merkulova V.A. Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy. Travy. Griby. Yagody. / V.A. Merkulova. – Moskva: Nauka, 1967. -259 s.
12. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. / Pod red. L.I. Skvortsova. – Moskva: «Oniks», «Mir i obrazovanie», 2007.
13. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika. / Z.D. Popova, A.Sternin. – Moskva: AST: Vostok Zapad, 2007. -314 s.
14. SDELS 1955: Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' /Pod red. N.I. Tolstogo. T. II.- Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1955.
15. SRNG 1972: Slovar' russkih narodnyh govorov / Pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova. Vypusk 8. – Leningrad: Nauka, 1972.
16. SRNG 1976: Slovar' russkih narodnyh govorov / Pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova. Vypusk 12. – Leningrad: Nauka, 1976.
17. SRNG 1978: Slovar' russkih narodnyh govorov / Pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova. Vypusk 14. – Leningrad: Nauka, 1978.
18. STSRYA 2007: Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / Gl. red S.A. Kuznetsov. – Sankt-Peterburg: Norint, 2007.
19. TEntss 2006: Tolkovo-entsiklopedicheskiy slovar' / Avtor nauchnoy kontseptsii i rukovoditel' proekta S.M. Snarskaya. – Sankt-Peterburg: Norint, 2006.
20. Tsyganenko G.P. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka / G.P. Tsyganenko. – Kiyev: Radyans'ka shkola, 1970.
21. Chernyh P.Ya. Istoriko – etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka / P.Ya. Chernyh. – Moskva: Russkiy yazyk. T. I., 1994.
- Shanskiy N.M., Ivanova V.V., Shanskaya T.V. Kratkiy Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka / N.M. Shanskiy, V. V. Ivanova, T.V. Shanskaya. – Moskva: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosvescheniya RSFSR, 1961.

Зыкова Елена Игоревна
доктор филологии, доцент
Санкт-Петербургский государственный
университет
Россия, г. Санкт-Петербург
e-mail: ezykova@mail.ru

Zykova Elena Igorevna
docent, Ph.D.
Saint-Petersburg State
University
Russia, Saint-Petersburg
e-mail: ezykova@mail.ru

Е. И. Зыкова

**ОСОБЕННОСТИ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
УСТОЙЧИВЫХ КОМПАРАТИВОВ РУССКОГО ЯЗЫКА
(из опыта составления «Словаря ключевых концептов русских
народных сравнений»)**

Аннотация. В статье излагаются основные принципы идеографической классификации устойчивых сравнений русского языка, которые легли в основу «Словаря ключевых концептов русских народных сравнений», проекта, выполненного группой ученых СПбГУ при финансовой поддержке РГНФ (14-04-00090/14).

В статье рассматриваются особенности идеографического описания русских устойчивых сравнений и сосредоточено внимание на трудных случаях их идеографической интерпретации, которые мотивированы прежде всего спецификой семантики русских компаративов.

Ключевые слова. фразеологизмы, устойчивые сравнения, идеография, концепт, идеографическая группа.

Elena I. Zykova

**THE PECULIARITIES OF IDEOGRAPHIC DESCRIPTION OF
RUSSIAN STABLE COMPARISONS
(from the experience of compiling the "Dictionary of Key Concepts of
Russian Folk Comparisons")**

Abstract. The article outlines the basic principles of the ideographic classification of sustainable comparisons of the Russian language, which formed the basis for the Dictionary of Key Concepts of Russian Folk Comparisons, a project carried out by a group of scientists of St. Petersburg State University with the financial support of the

Russian Humanitarian Scientific Foundation (14-04-00090 / 14). The article examines the features of the ideographic description of Russian stable comparisons and focuses attention on difficult cases of their ideographic interpretation, which are motivated primarily by the specifics of the semantics of Russian comparatives.

Keywords: idioms, stable comparison, ideography, concept, ideographic group.

Общеизвестно, что одним из древнейших способов познания окружающего мира является сравнение, которое человек использует для передачи своих чувств, точного описания увиденного и услышанного. Сравнение – не просто способ наименования окружающей действительности. Оно экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации.

Устойчивые сравнения (далее – УС) занимают особое место в фразеологической системе русского языка, что обуславливает насущную необходимость структурирования семантического пространства этого разряда фразеологии русского языка.

Теоретические интерпретации семантических полей устойчивых сравнений русского языка нашли отражение в работах А. В. Кунина, А. С. Аксамитова, Л. А. Лебедевой, В. М. Мокиенко, Е. К. Николаевой, Н. М. Кабановой.

Во фразеографии, к сожалению, не так много трудов, где бы систематизация данного материала была последовательно внедрена. Для русской фразеологии это в определенной мере сделано в «Тематическом словаре устойчивых сравнений русского языка» Людмилы Алексеевны Лебедевой [3] и в «Идеографическом словаре русских фразеологизмов с названиями животных» Татьяны Валентиновны Козловой [2], а также в «Словаре фразеологических синонимов» В. М. Мокиенко, А. К. Бириха и Л. И. Степановой [1].

В европейской фразеографии подобным опытом идеографической систематизации является четырёхтомный «Словарь чешской фразеологии и идиоматики», созданный коллективом пражских лингвистов во главе с проф. Фр. Чермаком [6].

В статье рассматриваются особенности идеографического описания русских устойчивых сравнений, которое осуществлялось в рамках проекта «Ключевые концепты русских народных сравнений (опыт идеографического словаря)», осуществляемого группой

Фразеологического семинара из Санкт-Петербурга под руководством проф. В.М. Мокиенко.

Задачей создаваемого «Словаря ключевых концептов русских народных сравнений», является обобщение опыта идеографической обработки УС, и описание русской языковой картины мира в зеркале народных сравнений.

Идеографическое описание нами рассматривается не только как лингвистически обоснованный принцип словарной организации материала, но и как способ описания содержания данного фразеологического корпуса УС.

В данной работе анализ семантики фразеологических сочетаний был произведён с помощью описания семантических полей, где идеографическая классификация основывалась на группировке слов, объединённых общим инвариантным значением.

Источником фразеологического материала послужил корпус, представленный в «Большом словаре русских сравнений» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, в котором описываются более 45 тысяч русских компаративов [5]. Весь материал упорядочен по смысловому принципу, т.е. по фразеологическому значению устойчивого сравнения.

На основе принципов идеографического описания, предложенных еще в 1963 году немецкими лингвистами Рудольфом Халлигом и Вальтером фон Вартбургом, было произведено последовательное членение массива устойчивых сравнений русского языка на три макроконцепта (resp. макрополя) – «Вселенная», «Человек», «Человек и Вселенная».

В основу дальнейшего деления была положена классификация Татьяны Валентиновны Козловой, представленная в ее «Идеографическом словаре русских фразеологизмов с названиями животных». В результате этого процесса в состав трех макроконцептов были включены 6 концептов (resp. тематических классов) – «Неорганический мир», «Органический мир», «Человек как живое существо», «Человек как разумное существо», «Человек как общественное существо», «Абстрактные категории и понятия».

Дальнейшее дробление семантического поля устойчивых сравнений русского языка позволило выделить в каждом

тематическом классе группы ключевых концептов (resp. семантических групп), которые по нашим данным составили 51 концепт.

В свою очередь внутри ключевых концептов были выделены семантические подгруппы, которые авторы назвали микроконцептами. Конечным пунктом членения семантического поля русских устойчивых сравнений стало выделение внутри каждого микроконцепта синонимических рядов.

Таким образом, предлагаемая классификация представляет собой пятиуровневую структуру фразеосемантических полей и групп, которые по принципу концентров размещаются внутри трех макрополей «Вселенная», «Человек» и «Человек и Вселенная». А именно: синонимические ряды объединяются в семантические подгруппы (микроконцепты) на основе общего значения субъекта сравнения (А), которые, в свою очередь, объединяются в семантические группы (ключевые концепты) на основе наличия в их значении общей тематической доминанты. Далее тематические группы объединяются с другими группами УС в тематические классы (концепты), и все они формируют идеографическое поле.

На основании всего вышесказанного идеографическую сетку корпуса устойчивых сравнений русского языка можно представить в следующей таблице (см. таблица 1).

Таблица 1

МАКРОКОН- ЦЕПТ (=макрополе)	КОНЦЕПТ (=тематическая группа)	КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ (=семантичес- кая группа)	МИКРО- КОНЦЕПТ (подгруппа)	СИНОНИ- МИЧЕСКИЙ РЯД
ВСЕЛЕННАЯ	Органический мир	Погода	Ветер	Завывающий ветер Порывистый ветер Теплый ветер Легкий ветерок и т.д.

	Неорганический мир	Растительный мир	Трава	Высокая трава Низкая трава Мягкая трава Густая трава и т.д.
ЧЕЛОВЕК	Как живое существо	Физические возможности и состояния	Физические состояния	Пьяный, трезвый, тошнота, сонный, замерзший
	Как разумное существо	Эмоциональные действия и состояния	Положительные эмоции	Радоваться, любить, радость, любовь
	Как общественное существо	Поведение	Поступки	Упрямитесь, упрямый.
ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ	Абстрактные понятия и категории	Пространство	Величина	Большой, маленький, крупный, мелкий, небольшой и т.п.

Статистическая картина наполняемости идеографического поля русских устойчивых сравнений, как показал анализ, очень разнообразна. Самым малочисленным оказался макроконцепт «Вселенная». В состав двух тематических классов – «Неорганический мир» и «Органический мир» – нами включены 10 ключевых концептов и 86 микроконцептов.

Даже при беглом просмотре этого поля видно, что концепт «Неограниченный мир» (8 ключевых концептов и 70 подгрупп) в количественном отношении превышает концепт «Органический мир» (2 концептов и 16 подгрупп)

Распределение УС внутри макрополя «Вселенная» представлены в таблице 2.

Таблица 2.

В С Е Л Е Н Н А Я	НЕОРГАНИЧЕСКИЙ МИР	Космос, небесные тела	ЗВЕЗДА, ЗЕМЛЯ (планета), ЛУНА, МЕСЯЦ, СОЛНЦЕ, НЕБО, ГОРИЗОНТ
		Погода. Климат.	ВЕТЕР, ВОЗДУХ, ВИХРЬ, ВЬЮГА, ГРАД, ГРОЗА, БУРЯ, ГРОМ, ДОЖДЬ, ИЗМОРОЗЬ, ИНЕЙ, МОЛНИЯ, ПОГОДА СНЕГ, ТУМАН, ШТИЛЬ, ШТОРМ, ЖАРА, МОРОЗ/ ХОЛОД
		Земля	ЗЕМЛЯ (почва), ГОРЫ, ПОЛЕ, ЛУГ, МЕСТНОСТЬ, МЕСТО, ДОРОГА, ТРОПА
		Водоемы	БОЛОТО, ВОДОЁМЫ, МОРЕ, РЕКА, ВОДОВОРОТ, ВОЛНЫ, ЛУЖА, РУЧЕЙ
		Минералы	КАМЕНЬ, ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ, ПЕСОК, Кристаллы.
		Вещества	ЛЕД, ВОДА, ПАР, ПЫЛЬ, ГРЯЗЬ, ЖИДКОСТЬ, МАССА, ОГОНЬ, МЕТАЛЛ, СТЕКЛО, ПЛАСТМАССА, ДЫМ, РЕЗИНА, СТАЛЬ
		Природные явления	ОБЛАКО, РАДУГА, СКВОЗНЯК, ТУЧА, ЗАКАТ, ЗАРЯ, РОСА, НАВОДНЕНИЕ, СВЕТ, ТЬМА, СМЕРЧ
		Природные ископаемые	ГЛИНА, Известняк, Руда
	ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР	Растительный мир	РАСТЕНИЯ (рост, увядание, цветение) Мох.
			ЦВЕТЫ
			ТРАВА, СЕНО,
			ДЕРЕВЬЯ, ЛИСТ, Шишки, Смола, ЛЕС, ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА, Дрова, КУСТАРНИКИ
			ГРИБЫ
			ОВОЩИ, КАРТОФЕЛЬ, КОРНЕПЛОДЫ
ФРУКТЫ, ПЛОДЫ, Оливки, Орехи			
ЯГОДЫ			
ЗЛАКОВЫЕ, С/х КУЛЬТУРЫ, СЕМЕНА,			
УРОЖАЙ			
Животный мир	ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ. ЗВЕРИ. Шерсть животных. Шкура. Когти. Глаза животного. Клыки.		
	ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ. Части тела.		
	ПТИЦЫ. Перья. Когти. Клюв		
	НАСЕКОМЫЕ. Части тела.		
	РЫБА. МОРСКИЕ ЖИВОТНЫЕ		
	ЗЕМНОВОДНЫЕ. ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ		

Факт антропологичности фразеологии давно уже не подвергается сомнению. Антропологическая направленность устойчивых сравнений русского языка также была установлена в работах Людмилы Алексеевны Лебедевой [4]. В своих исследованиях она указывает на то, что «рубрики идеографической классификации УС четко антропоцентричны, т.к. они охватывают те фрагменты языковой картины мира, которые прямо или опосредованно связаны с жизнедеятельностью человека» [4]

Данное утверждение Л.А. Лебедевой подтверждается и нашими данными, по которым самым многочисленным по своему составу является макроконцепт «Человек». В пределах трех тематических классов – «Человек как живое существо», «Как разумное существо» и «Как общественное существо» – он включает в себя 32 ключевых концепта и 127 микроконцептов.

В количественном плане тематический класс «Человек как живое существо» почти в два раза превышает остальные два. В его состав вошли 7 ключевых концептов и 77 микроконцептов (см. таблица 3)

Таблица 3

ЧЕЛОВЕК	<i>КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО</i>	Организм	части тела. внутренние органы. кровь. лимфа. выделения. слезы. пот. слюна. кожа. кожаный покров. зубы. продукты жизнедеятельности. голос.
		Здоровье	болезни лекарства. здоровый человек. болезненные процессы, состояния, ощущения. психические заболевания.
		Физические возможности и состояния	физиологические процессы и состояния. физические состояния. физиологические действия.
		Внешний облик	части лица, головы. тело. фигура. внешний вид.
		Гигиена	косметика. нечистоплотность. чистоплотный.
		Фазы жизни	возраст
		Пол	мужской. женский.
		Потребности	еда, пища продукты питания продукты питания бакалея. кондитерские изделия. напитки. овощи. фрукты. табак. сигареты. яйца. дары природы. продукты питания. потребности в еде. потребности в питье.
		Одежда, мода	верхняя одежда. белье. обувь. ткань. шерсть. шелк. ковры. шляпы. аксессуары. платки. кожа. изделия из кожи. мех. изделия из меха. одеваться. носить
		Предметы быта	посуда. домашняя утварь. мебель. галантерея. музыкальные инструменты. украшения. часы. постельное белье. одеяло. матрас. подушка. светильники.

			свечи. радиотехника. бытовая техника. хозяйственные товары. канцелярские товары
		Жилище, здание	дом. здание. жилое помещение. квартира. комната. окна двери. печь. камин. пол. потолок. стены. крыша. сантехника. постель. хозяйственные строения, помещения. военные, оборонные строения
		Транспорт	железнодорожный транспорт. морской транспорт. автодорожный транспорт. городской транспорт. авиатранспорт. топливо. гужевой транспорт. перевозить.
		Стройматериалы	стройматериалы из дерева. стройматериалы из металла. строительные механизмы. строительные вяжущие материалы. отделочные стройматериалы
		Территория проживания Город. Деревня. Страна	город. деревня. страна. место (территория)
		Инженерно-технические сооружения	мосты водные сооружения.

В концепт «Человек как разумное существо» вошли 6 ключевых концептов и 22 микроконцепта (см. таблица 4)

Таблица 4

КАК РАЗУМНОЕ СУЩЕСТВО	Ощущения и восприятие	негативное восприятие. позитивное восприятие. вкус. ощущения потребности. (ощущение чувств, эмоций. запах. обоняние
	Эмоциональные действия и состояния	положительные эмоции эмоциональные отрицательные состояния. отрицательные эмоции. эмоциональные положительные состояния проявление чувств
	Волевые действия и состояния	амбициозность, волевые действия, положительные волевые состояния, отрицательные волевые состояния.
	Интеллектуальные действия и состояния	интеллектуальные действия. мысли. взгляды. память, интуиция. интеллект.

		Мотивационные состояния	Желания, влечения, стремления. планы. намерения.
		Душевный склад	Душа, темперамент. черты характера

Тематический класс «Человек как общественное существо» оказался столь же немногочисленным – 7 ключевых концептов и 28 микроконцептов (см. таблица 5)

Неоднородно по своему составу и наполнению ключевых концептов УС. Самым малочисленным оказался ключевой концепт «Природные ископаемые», который содержит только одну группу – «Глина». А самым многочисленным ключевым концептом по нашим данным является «Действия», содержащий 15 групп.

Таблица 5

КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО	Деятельность	учреждения. предприятия. преступная деятельность. негативная деятельность. сельскохозяйственная деятельность. рыболовство. рукоделие. искусство. орудия труда. работа. дело. характеристика деятельности.
	Игры	спортивные игры. игрушки. игровые сооружения.
	Обряды, традиции, религия	сакральные мифологические существа. культовые учреждения. соборы, церкви. религиозные заповеди, нормы. предметы религиозного культа, обряда. традиции. священнослужители.
	Поведение	привычки. сексуальное поведение. поступки. негативное, аморальное поведение. позитивное поведение.
	Человек в обществе	асоциальные явления. семья. родственники положение в обществе. соц. статус.
	Коммуникация мыслей и чувств	письмо. телеграмма. разговор. говорение. беседа. слова. речь. чтение. книги. обмен информацией.

		Отношения в обществе	военные отношения. торговые отношения. финансовые отношения. деньги мирные отношения. экономические отношения. политические отношения. государство. правовые отношения.
		Жизнь. Быт	тяготы жизни. радости жизни. недостойная жизнь.

Внутри класса «Человек» самым многочисленным нам видится ключевой концепт «Потребности человека», который объединяет 13 семантических подгрупп, а самым малочисленным – ключевой концепт «Фазы жизни человека», включающие в себя по одной подгруппе.

Внутри макрополя «Человек и Вселенная» был вычленен 1 концепт «Абстрактные категории и понятия», который был подразделен на 12 ключевых концептов – «Модусы бытия», «Пространство», «Время», «Движение», «Количество», «Качество», «Отношение (сравнение)», «Порядок», «Акустика», «Философские категории», «Действия», «Состояния». В свою очередь вышеупомянутые концепты были разделены на 60 микроконцептов (см. таблица 6)

Таблица 6

ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ	АБСТРАКТН ЫЕ ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ	Модусы бытия	существование, бытие/ отсутствие. возникновение, появление/ исчезновение. фазы бытия. процесс.
		Пространство	<i>(величина)</i> большой, маленький, крупный, мелкий, мелкий. небольшой, безграничный, тесный; <i>(форма)</i> , зигзагообразный, извилистый, изогнутый, кривой, прямой, круглый, овальный, округлый, сердцевидный, серповидный, ровный, плоский, высокий /рослый, длинный, короткий, невысокий, глубокий, отверстия, размер, расстояние. положение в пространстве. пространственные состояния, характеристики.

		Время	отрезки времени. времена года. время суток. временные состояния.
		Движение	однонаправленное, разнонаправленное движение. характеристика движения,
		Количество	(вес) лёгкий, тяжёлый, изменение количественного признака. количество людей. общее количество.
		Качество	(вид) грязный. красивый, некрасивый, страшный, мутный, прозрачный, дырявый, рваный, гладкий, грубый/ жесткий (о предмете), шершавый, мокрый, сухой, разрушенный, чистота. (о <i>реалиях</i>), мягкий, нарядный, величественный, дешёвый, дорогой, испорченное, качественное, некачественное, настоящий, ненастоящий, острый, колючий, скользкий (<i>температура</i>) горячий, тёплый, прохладный, холодный, (<i>толщина</i>) стройный, толстый, жирный, полный, упитанный, тонкий, хрупкий, цвет. блеск. (<i>состав</i>) вязкий, густой, жидкий, жесткий (твердый), мягкий (на ощупь), мягкий (неплотный, рыхлый), твердый(о предмете), плотный, липкий, становление качества, изменение качества.
		Отношение (сравнение)	взаимоотношение, взаимосвязь, межличностные отношения, эмоционально-оценочное отношение.
		Порядок	равномерный
		Акустика	Звук, звукопроявление. звучание
		Философские категории	истина. красота. необходимость. нужность. случайность/неизбежность, возможность/невозможность

		Действия	проявление качества (свет, запах, цвет, тепло). выглядеть (о предмете) покрытие объекта. одевание. физическое воздействие на объект. физиологические действия. речевая деятельность. интеллектуальная деятельность перемещение объекта. звучание. внешнее проявление отношения социальная деятельность. созидательная деятельность. образа жизни. владение, обладание. становление качества. защита, хранение. качественное состояние. взаимоотношение. взаимосвязь.
--	--	----------	--

Такой подход позволяет, на наш взгляд, продемонстрировать русскую языковую картину как многоцветную мозаику, составленную из типичных народных сравнений, впитавших в себя яркие национальные образы и представления об окружающем мире и живущем в нем Человеке.

В процессе составления идеографической сетки и прежде всего макроконцепта «Человек и Вселенная» обнаружился ряд серьезных проблем, связанных с установлением отнесенности определенного УС в ту или иную группу и восходящих к специфике значения устойчивых сравнений.

Сложность идеографического структурирования УС во многих случаях приводила к дилемме: по какому принципу расположить то или иное УС – по синхроническому принципу, т.е. опираясь на значение субъекта и основания УС, или же по диахроническому принципу, опираясь на значение опорного компонента в объектной части УС.

Эта особенность привела к необходимости дублирования значительной части УС, входящих в макроконцепт «Человек и Вселенная», в идеографических группах других классов. Так, например, УС *легкий как пух* со значением ‘О чём-л. чрезвычайно лёгком, почти невесомом, воздушном (снежинках, материи и т.п.)’ нами помещено и в ключевой концепт «Погода» (микроконцепт

«Снег») макрополя «Вселенная», и в ключевой концепт «Количество» (микрконцепт «Вес») макрополя «Человек и Вселенная».

Значительная часть компаративов, содержащих разные субъекты сравнения, сохраняя при этом одно основание и объект сравнения, могли быть распределены не только по двум идеографическим группам, а по трем и более. Так, например, УС *мягкий как бархат* ('О чём-л. приятном на ощупь (коже, волосах, шерсти животного, молодой траве, листьях, изделиях из кожи и т.п.)' субъектом своего значения может иметь компоненты кожа человека, трава, шерсть животного. Это дало нам основание продублировать УС *мягкий как бархат* в четырех концептах: в ключевом концепте «Внешний облик» (микрконцепт «Части головы») макрополя «Человек», в ключевом концепте «Растительный мир» макрополя «Вселенная», в ключевом концепте «Животный мир» (микрконцепт «Звери») макрополя «Вселенная», а также в ключевом концепте «Организм» (микрконцепт «Кожа. Кожный покров») макроконцепта «Человек».

Еще одним сложным случаем идеографического описания был вопрос об ограничении количества дублированных групп. Авторами словаря было принято решение ограничить число групп дублирования до 3 – 4 основных, в которых наиболее явно проявляются соответствующие семантические признаки. Анализ материала показал, что таких случаев достаточно много.

Вот еще один пример: УС *блестеть/сверкать как золотой (золото, золотом)* имеет значение 'О ярком желтоватом или красноватом блеске, отсвете чего-л. (осенних листьев, оружия, водной глади при восходе или закате солнца и т.п.)' Это выражение было помещено в группу «Действие. Проявление качества» на основании значения субъекта сравнения и продублировано в группах «Водоемы» концепта «Неорганический мир» и «Военные отношения. Оружие» концепта «Человек как общественное существо». Следует признать, что зачастую выбор группы было сделать очень сложно. Так, например, рассматриваемое УС *блестеть как золотой* не было помещено в группу «Листья» концепта «Растительный мир» на основании принципа частотности использования данного выражения

для обозначения цвета осенней листвы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что возможность разных семантических интерпретаций одного и того же УС, очевидно, следует объяснять многозначностью слов, лежащих в основании сравнения, их переходом из одной функциональной сферы в другую, а также спецификой УС как особого разряда фразеологии, которая проявляется как в структуре, так и в семантике этих единиц. Что и порождает диффузность их идеографических полей.

Библиографический список

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., АСТ-пресс, 2009. – 448 с.
2. Козлова Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. М., Дело и сервис, 2001. – 207 с.
3. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. – Краснодар, Кубанский гос. ун-т., 2003. – 300 с.
4. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. АКД канд. филол. наук. Краснодар, 1999. – 16 с.
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений. –В. М. Мокиенко (Ред.) – М., ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
6. Čermák F. Slovník české frazeologie a idiomatiky. Díl 1–4. Praha, LEDA, 2009.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Робский Владимир Владимирович
преподаватель кафедры педагогики
и психологии
Кубанский государственный
университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: vladimir-robskij@yandex.ru

Robskij Vladimir Vladimirovich
teacher of pedagogy and psychology
Department
Kuban State University
Russia, Krasnodar
e-mail: vladimir-robskij@yandex.ru

В. В. Робский

РЕФЛЕКСИЯ КАК СПОСОБ ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРОЖИВАНИЯ СОБЫТИЙ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ОБРАЗА «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»¹

Аннотация. Рефлексия как специфическая человеческая способность является мощным инструментом человеческого самопознания. Особенность романа М.Ю. Лермонтова заключается в глубоком психологизме и рефлексивном проникновении автора в мотивы поведения героев.

Ключевые слова: рефлексия, психологизм, анализ поведения героев.

V.V. Robskij

REFLECTION AS A WAY OF PLANNING AND LIVING EVENTS: PSYCHOLOGICAL PERSPECTIVE OF THE IMAGE OF THE "EXTRA PERSON" IN THE NOVEL "HERO OF OUR TIME" BY M. YU. LERMONTOV

---

¹ Это третья статья из цикла «Литературная психология». См.: 1) Робский В.В. Использование психологических знаний при анализе произведений русской классической литературы. - Болгарская русистика: Орган общества русистов Болгарии. – София, 2019, № 2, с. 18-32. 2) Робский В.В. Психология наказания Родиона Раскольникова. - Болгарская русистика: Орган общества русистов Болгарии. – София, 2019, № 4, с. 28-43.

Abstract. Reflection as a specific human ability is a powerful tool for human self-knowledge. The peculiarity of the novel by M. Yu. Lermontov is a deep psychologism and reflexive penetration of the author into the motives of the characters' behavior.

Keywords: reflection, psychologism, analysis of the behavior of heroes.

Посвящается замечательному педагогическому коллективу краснодарского лицея № 90 имени М.Ю. Лермонтова, в стенах которого родилась идея этой статьи.

Между 15 октября 1814 года и 27 июля 1841 года прошло неполных 27 лет. По современным меркам это возраст молодости, про представителей которого говорят: «Да еще совсем мальчишка, только начинает кое-что понимать в жизни». Но когда мы читаем «Героя нашего времени», написанного молодым человеком Михаилом Лермонтовым, то возникает ощущение, что текст создал человек, проживший очень долгую и насыщенную событиями жизнь. Да и главный герой, ровесник автора, смотрится гораздо старше и опытнее других персонажей. И объясняется это способностью автора и его героя к рефлексивному анализу того, что происходит не только в сердцах и умах других людей, но и в их собственных душах.

По мнению литературоведов, текст романа создавался в течение 1838-1841 гг. и публиковался по частям: в 1839 году «Бэла», чуть позже «Фаталист», а в 1840 году остальные части, и в этом же году роман публикуется целиком. А в феврале 1841 года Лермонтов пишет предисловие – «Герой нашего времени» обретает законченный вид, и мы получаем не только высокохудожественное литературное произведение, но и глубокое психологическое исследование человеческой способности к рефлексии – отражению окружающего мира и самого себя в своем сознании. Джон Локк назвал в свое время этот процесс отражения «наблюдением души за своими собственными состояниями».

Очень точное описание рефлексии сделано основателем вальдорфской педагогики Рудольфом Штайнером: «...когда раскроется высшее зрение, внутреннее содержание человека, его собственные стремления, вожелания и представления проявляются перед ним точно так же во внешних формах, как и другие предметы и существа. Для высшего познания собственный внутренний мир становится частью, продолжением мира внешнего. Как в физическом

мире, окружив себя со всех сторон зеркалами, будешь видеть свой физический образ со всех сторон, так же и в высшем мире вся душевная сущность человека выступает перед ним, как бы отраженная со всех сторон в зеркале» [2, с. 88].

Автор наделил своего героя способностями, присущими ему самому. Печорин окружил себя зеркалами, в которых бесстрастно наблюдает свое отражение. Психологический анализ личности героя и других персонажей романа «Герой нашего времени» настолько глубок и точен, что возникает сомнение в том, что это описание сделал очень молодой человек. Но это возможно, если писатель обладает способностью к рефлексии, благодаря чему он может проникать в души героев и описывать их внутреннюю жизнь. Рефлексивное переживание (проживание) ситуации или другого человека по своей силе практически ничем не отличается от переживания реального: чувства и страсти накаляются с одинаковой силой. Разница лишь в том, что реальные переживания происходят «здесь и теперь», в конкретной ситуации, при общении с конкретными людьми, а рефлексивные – в формате «было» или «будет», т.е. переживание по уже произошедшему или тому, что еще не произошло. Дело в том, что рефлексия – это особая человеческая деятельность, направленная на анализ другой деятельности, но для того, чтобы я мог анализировать свою деятельность, свои проявления (мысли, чувства и т.д.), я должен перестать действовать, чувствовать и мыслить «в натуре», за себя и начать мыслить и чувствовать за себя как за другого. И тогда я могу мыслить только то, что уже было или то, что будет с этим другим: как только я становлюсь сам собой, то наступает настоящее, и рефлексивная деятельность уступает место деятельности реальной.

Благодаря рефлексии мы осмысливаем прошлое и будущее, становимся опытнее, потому что опыт – это отрефлексированная деятельность. Именно поэтому Лермонтов, как и его герой, несмотря на молодость, представляется опытным и даже по-стариковски мудрым – они умеют рефлексивно переживать то, что было или будет, поэтому слишком быстро учатся, у них «год идет за пять лет». Но «во многой мудрости много печали, и кто умножает познание, тот умножает скорбь», и за обладание такими способностями приходится

платить душевным спокойствием.

После такого длинного вступления обратимся наконец к самому роману.

Сначала упомяну общеизвестную информацию о несовпадении порядка структурных частей «Героя нашего времени» с хронологией происходящих в нем событий. Я бы назвал это структурно-хронологической перевернутостью: события, произошедшие позже («Бэла»), помещены в начало романа, а то, что происходило ранее, описывается в последней части («Дневник Печорина»). Именно так молодой писатель выстраивает рефлексивный анализ личности главного героя, втягивая в эту ретрорефлексию и читателя. В «Бэле» Григорий Александрович представляется нам человеком странным, совершающим непонятные, нелогичные поступки, и мы не очень симпатизируем ему. Но в последней части мы открываем не просто «Дневник Печорина» – мы открываем внутренний мир главного героя, его психологию, жизнь его души: нам становится интересна не внешняя, физическая, видимая сторона его жизни (поступки, действия), а сторона внутренняя, как выясняется – главная (мысли и чувства). Проникновение во внутренний мир героя помогает понять мотивы его поступков, и тогда персонаж «Бэлы» и «Максима Максимиыча» становится понятным и вполне логичным: так проявляется великая рефлексивная сила и психологическая утонченность автора, увязывающего детали из первых частей романа с деталями последних частей: читая дневник Печорина, мы начинаем понимать, почему он так себя ведет в первой повести.

Вот, например, Максим Максимиыч, начиная свой рассказ, упоминает некоторые особенности поведения Печорина: «Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут – а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился; *ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один;...* (курсив мой – В.Р.)». А в последней повести («Фаталист») мы находим объяснение реакции героя на стук ставня – он чуть не погиб, обезоруживая пьяного казака, когда врывался в дом через окно, и в его сознании возникла ассоциация: звук срываемого ставня – прыжок в окно –

выстрел – пуля проходит в сантиметре от его головы и срывает эполет с плеча – борьба – а потом отрезвление от схватки, сопровождающееся холодящей мыслью: «А ведь на волосок от смерти был...». Уже только по связи этих двух эпизодов из разных частей романа можно судить о серьезном, взрослом психологизме автора, удерживающем в своем творческом воображении все полотно повествования.

Все становится гораздо интереснее, когда мы начинаем анализировать, от чьего лица ведется рассказ.

В первой части («Бэла») выстраивается такая цепочка: Печорина видит Максим Максимыч, рассказывает об этом автору, автор рассказывает читателю:

Печорин – Максим Максимыч – Автор – Читатель.

Представьте себе, как автор выстроил все эти фильтры восприятия. Кстати, из-за этих фильтров образ главного героя видится нечетко, мы плохо понимаем мотивы его поступков – и, как мне кажется, это специально сделано писателем, чтобы в последующих частях устроить рефлексивный анализ личности Печорина.

Во второй части («Максим Максимыч») исчезает одно промежуточное звено, Максим Максимыч, хотя как персонаж он здесь присутствует: Печорина видит уже сам автор и потом рассказывает об этой встрече и своих впечатлениях читателю:

Печорин – Автор – Читатель.

Лермонтов убирает один из фильтров восприятия, и мы видим главного героя по-другому, с другого ракурса, более крупно и детально. Это как в кинематографе: наезд камеры, крупный план, фиксация на ранее не видимых деталях.

И, наконец, в третьей части романа («Дневник Печорина») Михаил Юрьевич снимает и последний фильтр: исчезает даже автор, и о себе читателю рассказывает сам Григорий Александрович:

Печорин – Читатель.

Вот когда мы начинаем понимать мотивы его поступков, вот когда перед нами разворачивается поистине грандиозная картина внутреннего мира человека, его мыслей, чувств, страстей – и на фоне этой картины меркнут события мира внешнего, физического.

Глубочайший психологизм пронизывает все: и содержание, и композицию романа.

Но дело в том, что рефлексивен не только автор – точно так же рефлексивен и его герой, способный на серьезный психологический анализ поступков и мотивов как своих, так и окружающих его людей. К слову сказать, я не буду здесь обсуждать морально-этическую сторону поведения Печорина – мы говорим здесь только о психологической остроте и точности описания поведения и внутреннего мира героев.

Григорий Александрович познает душу человеческую быстро, может ставить себя на место другого и понимать мотивы поступков окружающих и, благодаря этому, умеет программировать поведение другого человека. Вот эпизод из «Бэлы»:

«Дня через четыре приезжает Азамат в крепость. По обыкновению, он зашел к Григорью Александровичу, который его всегда кормил лакомствами. Я был тут. Зашел разговор о лошадях, и Печорин начал расхваливать лошадь Казбича: уж такая-то она резвая, красивая, словно серна, – ну, просто, по его словам, этакой и в целом мире нет.»

„Засверкали глаза у татарчонка, а Печорин будто не замечает; я заговорю о другом, а он, смотришь, тотчас собьет разговор на лошадь Казбича. Эта история продолжалась всякий раз, как приезжал Азамат. Недели три спустя стал я замечать, что Азамат бледнеет и сохнет, как бывает от любви в романах-с (курсив мой – В.Р.). Что за диво?».

Печорин хорошо понимает Азамата, его внутренний мир, его потребности, страсти и играет на них, превращая юношу в орудие своих замыслов. И юный горец, как будто по своей воле, становится соучастником похищения родной сестры.

Но высшего проникновения в души героев и читателей Лермонтов достигает в дневнике Печорина, особенно в «Княжне Мери», где на фоне незатейливого сюжета курортного романа разыгрывается сложная и напряженная психологическая драма.

Сам Григорий Александрович предельно честен с собой, он постоянно себя наблюдает, изучает, делает безжалостные выводы – он смотрит на себя со стороны, как будто это другой человек; и так

же безжалостен он в отношении других. Когда княжна подняла и подала Грушницкому уроненный им стакан, тот был бесконечно счастлив, в то время как Печорин внешне демонстрировал безразличие, под которым, однако, скрывались чувства:

«– Ты видел? – сказал он, крепко пожимая мне руку, – это просто ангел!

– Отчего? – спросил я с видом чистейшего простодушия.

– Разве ты не видал?

– Нет, видел: она подняла твой стакан. Если б был тут сторож, то он сделал бы то же самое, и еще поспешнее, надеясь получить на водку. Впрочем, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сделал такую ужасную гримасу, когда ступил на простреленную ногу...

– И ты не был нисколько тронут, глядя на нее в эту минуту, когда душа сияла на лице ее?..

– Нет.

Я лгал; но мне хотелось его побесить (курсив мой – В.Р.). У меня врожденная страсть противоречить, целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку. Присутствие энтузиаста обдает меня крещенским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из меня страстного мечтателя. Признаюсь еще, чувство неприятное, но знакомое пробежало слегка в это мгновение по моему сердцу; это чувство – было зависть; я говорю смело «зависть», потому что привык себе во всем признаваться (курсив мой – В.Р.); и вряд ли найдется молодой человек, который, встретив хорошенькую женищину, приковавшую его праздное внимание и вдруг явно при нем отличившую другого, ей равно незнакомого, вряд ли, говорю, найдется такой молодой человек (разумеется, живший в большом свете и привыкший баловать свое самолюбие), который бы не был этим поражен неприятно».

Такой бесстрастный психологический анализ своих мыслей и чувств не очень приятен, потому что мы хотим даже в собственных глазах выглядеть «порядочными людьми», но молодой писатель и его молодой герой решительно стирают границу между честностью и цинизмом. Опасное художественное произведение, однако, особенно

для молодежи!

Для маскировки своих отношений с Верой наш герой строит план соблазнения молодой княжны. План основан на тонком знании человеческой природы, анализе ситуации, умении манипулировать людьми и вызывать у них те или иные чувства. Печорин моделирует в своем сознании ситуацию, мысленно проигрывает ее одновременно и за себя, и за других участников событий, точно определяет будущие возможные их реакции. По сути, это шахматная партия, только вместо фигур и пешек – люди. И разыгрывается эта партия мастерски.

С чего начинает Григорий Александрович? Первое и самое сложное в завоевании женщины – это привлечение ее внимания, причем наш герой знает, что внимание можно привлечь не только опираясь на позитивные чувства, но и возбуждая чувства неприязненные. Знак «плюс» или «минус» на первом этапе не важны – важна сила чувства, которое возникнет у женщины, сила любви или сила ненависти. И Печорин начинает тонко бесить молодую девушку:

«Она сидела у окна. Грушицкий, дернув меня за руку, бросил на нее один из тех мутно-нежных взглядов, которые так мало действуют на женщин. Я навел на нее лорнет и заметил, что она от его взгляда улыбнулась, а что мой дерзкий лорнет рассердил ее не на шутку. И как, в самом деле, смеет кавказский армеец наводить стеклышко на московскую княжну?..». Следующим шагом Печорин, на бульваре, с помощью анекдотов отвлекает внимание окружающих от наслаждающейся этим вниманием княжны. Такая политика начинает давать свои плоды: «В продолжение двух дней дела мои ужасно подвинулись. Княжна меня решительно ненавидит; мне уже пересказывали две-три эпиграммы на мой счет, довольно колкие, но вместе очень лестные».

План настолько продуман – отрефлексирован в мельчайших деталях! – что исполняется легко и меняет ситуацию и настроение окружающих так, как этого хочет наш герой. В соответствии с этим планом Печорин делает следующий шаг и доводит бедную Мери до бешенства:

«Вчера я встретил ее в магазине Челахова; она торговала

чудесный персидский ковер. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этот ковер так украсил бы ее кабинет!.. Я дал сорок рублей лишних и перекупил его; за это я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство. Около обеда я велел нарочно провести мимо ее окон мою черкесскую лошадь, покрытую этим ковром. Вернер был у них в это время и говорил мне, что эффект этой сцены был самый драматический. Княжна хочет проповедовать против меня ополчение; я даже заметил, что уж два адъютанта при ней со мной очень сухо кланяются, однако всякий день у меня обедают».

Княжна Мери теперь настолько охвачена сильным чувством (злость, досада) по отношению к Печорину, что ни о чем и ни ком другом просто думать не может: она просыпается с мыслью об этом негодяе и засыпает с мыслью об этом мерзавце. Печорин всего лишь парой поступков добился главного от молодой женщины – внимания. Княжна совершенно перестала замечать всех ухажеров, она рассеянна с ними, несмотря на все их титанические усилия, ее мало интересуют выходы окружающих – все внимание занято только одним человеком. Как будто каменную стену возвели вокруг нее и Печорина, и вокруг никого нет, она и он, один на один. После этого нашему герою не нужно прилагать больших усилий (он и так занял внимание девушки): он начинает просто играть на этом сильном чувстве, то усиливая негатив по отношению к себе, то ослабляя. Княжна, жаждущая, как и все молодые особы, реванша, ищет в его поведении поступки, которые бы подтвердили его капитуляцию или частичную сдачу позиций наглеца, а тот с готовностью подыгрывает ее тщеславному бессознательному порыву, раскачивает настроение девушки из одного состояния в другое:

«Я тотчас подошел к княжне, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здешних обычаев, позволяющих танцевать с незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгий вид».

Затем Печорин то ограждает княжну от приставаний пьяного офицера, чем заслуживает «вознаграждение глубоким, чудесным

взглядом», то намекает на свои нежные чувства к ней, то разыгрывает полное равнодушие, то вызывает сострадание к себе, заставляя молодую девушку мучиться. Такая стратегия дает свои плоды:

«В эти дни я ни разу не отступил от своей системы. Княжне начинает нравиться мой разговор; я рассказал ей некоторые из странных случаев моей жизни, и она начинает видеть во мне человека необыкновенного. Я смеюсь над всем на свете, особенно над чувствами: это начинает ее пугать. Она при мне не смеет пускаться с Грушницким в сентиментальные прения и уже несколько раз отвечала на его выходки насмешливой улыбкой, но я всякий раз, как Грушницкий подходит к ней, принимаю смиренный вид и оставляю их вдвоем; в первый раз была она этому рада или старалась показать; во-второй – рассердилась на меня; в третий – на Грушницкого».

Еще несколько дней проходит, и княжна полностью попадает во власть Печорина, первой признаваясь ему в любви во время конной прогулки в горы. Не роман, а учебник психологии или пособие по соблазнению молодых девиц!

Так же легко играет главный герой чувствами, мыслями и даже жизнями других людей, видя и чувствуя их внутренний мир благодаря своим рефлексивным способностям. Однако эти способности не приносят ему счастья, потому что душа Печорина не способна к благоговению и любви – холодный ум без чувств, постоянный (бесстрастный!) анализ своих поступков:

«Из жизненной бури я вынес только несколько идей – и ни одного чувства. Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром навеки, а второй... второй?...».

Великолепное описание состояния рефлексизирующего человека, через которое мы понимаем сам процесс «наблюдения души за своими собственными состояниями». Но для молодого человека эта величайшая из человеческих способностей, не обремененная

человеческими чувствами, и прежде всего, чувством любви, становится тяжелой ношей, и молодой человек Печорин резюмирует:

«И много других подобных дум проходило в уме моем; я их не удерживал, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли. И к чему это ведет?.. В первой молодости моей я был мечтателем; я любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мне беспокойное и жадное воображение. Но что от этого мне осталось? одна усталость, как после ночной битвы с привидением, и смутное воспоминание, исполненное сожалений. В этой напрасной борьбе я истопил и жар души, и постоянство воли, необходимое для действительной жизни; я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книги».

Способность к рефлексии – это и великий дар, и тяжелый крест, которые природа дала человеку. С одной стороны, эта способность помогает «видеть невидимое», понимать мир и себя, предсказывать, управлять, *творить* – и в этом человек уподобляется Богу. С другой стороны, такая способность осложняет нашу жизнь сомнениями, ответственностью, навязчивым стремлением к идеалу с одновременным пониманием его недостижимости. Не каждый может справиться с такими экзистенциальными противоречиями: зачастую мы сознательно или бессознательно прячемся от рефлексии, спасая нашу психику от перегрузок. Великая сила духа и мысли нужна для того, чтобы, осознавая эти противоречия, не просто жить, но и творить, более того – исследовать не только материальную, но и духовно-душевную жизнь.

А вот тут-то можно и вспомнить традиционную тему «лишнего человека» в русской литературе и несколько развернуть ее в контексте данной статьи. Если задаться вопросом о характерных особенностях персонажей (Онегин, Печорин, Обломов), то главной такой особенностью является склонность к рефлексии, причем рефлексии по большей части бездеятельной, созерцательной, или, в худшем случае, обслуживающей деструктивные эгоистические интересы героев. Обладающие высокой способностью к психологическому наблюдению и анализу мира и себя в мире, но

лишенные возможности проявить себя конструктивно, печорины подобны холодно-рассудочным шахматистам, ведущим партию. Для них люди – всего лишь фигуры на доске ситуации, которыми можно жертвовать без особого сожаления. Бездействие или сомнительные действия «лишних людей» обусловлены отсутствием у них высоких идей и значимых ориентиров: они очень хорошо видят несовершенство окружающей действительности и слабости людские, и они поражены безверием, а потому не находят в своем окружении достойных для общения субъектов – потому и живут «в себе», проживают действительность либо виртуально (в рефлексирующем воображении), либо скучно, заранее предвидя каждый ход и настроения «шахматных фигур». Как тут не вспомнить меткое замечание Бердяева: «Живая и сильная вера исключает возможность болезненной рефлексии, а следовательно, и разъедающей волю гносеологии» [1]. Действительно, мощная рефлексия Печорина, не оплодотворенная верой, болезненна и «разъедает» его личность, толкает на жесткие социальные эксперименты, в которых главным является вопрос бесстрастного исследователя «а что будет, если?», и нет места вопросу о судьбах подопытных людей. Да и своя судьба ему безразлична, потому что он в своем воображении уже прожил долгую и бесполезную жизнь – и от этого ему горько и грустно.

Могучие способности, таящиеся в человеке, должны быть обязательно ограничены нравственными законами, в основе которых лежит некий акт веры, а не логические конструкции. Отсутствие веры – это отсутствие смыслов и ориентиров, без которых человек, наделенный какими-либо талантами, превращается в совершенное орудие разрушения окружающего мира и самого себя.

Вот такие мысли возникли у меня после очередного прочтения романа, написанного молодым человеком Михаилом Лермонтовым.

«История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление». (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Библиографический список

1. Бердяев Н. А., Философия свободы, 1911.
https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/filosofiya/6196/str20.htm#book.
2. Штайнер Рудольф. Путь к посвящению или как достигнуть познания высших миров. – М.: СП «Интербук», 1991.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Усанова Ольга Григорьевна
кандидат педагогических наук, доцент,
профессор Российской академии
естествознания

Usanova Olga Grigorievna
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Professor Russian Academy of Natural
Sciences

Пирожкова Марина Анатольевна
аспирант,
Челябинский государственный институт
культуры
Россия, г. Челябинск
e-mail:ogu@mail.ru

Pirozhkova Marina Anatolyevna
graduate student
Chelyabinsk State Institute of Culture
Russia, Chelyabinsk
e-mail:ogu@mail.ru

О. Г. Усанова, М. А. Пирожкова

КУЛЬТУРА РЕЧИ: ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В представленном материале постулируется интерес к слову, литературному слову и творчеству, что в настоящее время свидетельствует об изменении ценностных аспектов образования, поэтому современному образованию необходимо искать оптимальные формы в обучении и воспитании для обеспечения развития творческой языковой личности.

Ключевые слова: личность, слово, речь, культура речи, литературный язык, литературно-творческие способности языковой личности.

O. G. Usanova, M. A. Pirozhkova

CULTURE OF SPEECH: BASIS OF FORMING A CREATIVE LANGUAGE PERSONALITY

Abstract. The presented material postulates interest in the word, literary

word and creativity, which currently indicates a change in the value aspects of education, so modern education needs to look for optimal forms in training and education to ensure the development of a creative linguistic personality.

Keywords: personality, word, speech, speech culture, literary language, literary and creative abilities of a linguistic personality

Современное состояние образовательного процесса в России в условиях социально-политических и экономических преобразований определяет инновационные проблемы для подготовки будущих выпускников высших учебных заведений. В настоящее время российскому государству необходимы творческие кадры, так как именно творческий подход в ситуации нового времени является показателем высокого профессионализма и квалификации. Социальный заказ общества требует личность, способную к самостоятельной творческой деятельности. Именно поэтому конкурентноспособному специалисту необходимо творчески применять те знания и умения, которыми он обладает, и совершенствовать свои коммуникативные и речевые способности. Составляющим компонентом творческих и коммуникативных способностей языковой личности является развитие литературно-творческих способностей. Отсюда возникает стремление выявить сущность литературно-творческих способностей, ориентировать личность на создание творческого продукта благодаря слову. Литературно-творческие способности тесно связаны с речью и общением. Ведь слово и речь – это фундамент культуры, а культура – это человеческая деятельность, которая связана с творчеством. Поэтому развитие творческих способностей, в частности, литературно-творческих, становится одной из задач современного образования. В связи с этим усиливается направленность на индивидуальность и личностно-дифференцированный подход к развитию языковой личности, взаимодействие субъектов образовательного пространства в процессе становления и профессионального самоопределения личности.

Значение культуры речи в жизни общества трудно переоценить. Судьба родного слова нам всегда небезразлична, но особенно возрастает тревога за язык в периоды наибольшей общественной активности народа, когда в центре внимания

оказываются пути развития национальной культуры, правосознания, культуры мысли и поведения человека. Литературный язык – понятие историческое. Он возникает на определенном этапе формирования нации как некоторой экономической, политической и культурной общности людей, и сам литературный язык является неотъемлемым признаком нации. Общенациональный характер литературного языка отличает его от таких образований, как диалект, или местный исторически сложившийся народный говор, просторечие, наблюдаемое у горожан, не вполне овладевших нормами литературного языка, арго, распространенное в какой-либо достаточно узкой социальной группе, например, в студенческой среде. Однако никакой границы между этими языковыми образованиями и литературным языком нет. Достаточно сказать, что сам литературный язык обычно создается на базе одного или нескольких народных говоров и постоянно идет процесс влияния говоров на литературный язык и литературного языка на говоры.

Одной из важных особенностей литературного языка является его сознательное культивирование именно как литературного, обслуживающего разные потребности всей нации: нормы литературного языка закрепляются (узакониваются, кодифицируются) в грамматиках и словарях, изучаются в школе, поддерживаются средствами массовой коммуникации (газеты, радио, телевидение). Культура речи как особая область языкознания оказалась необходимой именно затем, чтобы стоять на страже интересов литературного языка и, следовательно, на страже национальных интересов. Далекое не случайно во всех развитых и развивающихся, обретающих свое национальное самосознание странах культивирование литературного языка относится к числу приоритетных национальных задач.

Когда говорят о культуре речевого общения, то обычно имеют в виду соблюдение норм литературного языка, речь без ошибок (правильные ударения, нормативные сочетания слов и пр.). Несомненно, соблюдение норм, правил – важное условие культуры речи, но не единственное.

Культура речи – это такой выбор и такая организация

языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач [5, с.35].

Следует отметить, что в понятие культуры речи помимо нормативного входят еще два компонента: *этический и коммуникативный*. Этика общения запрещает, например, сквернословить, регулирует обращение на «ты» и «вы» и многое другое. Коммуникативный компонент культуры речи четко и кратко определил известный языковед Г. О. Винокур: «Для каждой цели свои средства, таков должен быть лозунг лингвистически культурного общества» [1].

Большую значимость коммуникативного компонента для культуры речи подчеркнул чешский лингвист К. Гаузенблас: «Не секрет, что, пользуясь нелитературным языком, можно выражаться культурно, малокультурно и совершенно некультурно. Нет ничего парадоксального в том, что один способен говорить на ту же самую тему нелитературным языком и выглядеть более культурно, чем иной говорящий на литературном языке» [2, с. 301].

Наше время – время свободы слова как одного из неотъемлемых прав человека. Но это право требует умения пользоваться тем ценнейшим даром, которым наделен человек, – даром слова, умением передавать словами чувства, мысли, знания, убеждать, доказывать...

Слово и речь лежат в основе человеческой деятельности, так как это лучший способ воспитания личности. Российский переводчик, поэт, литературовед, методист В. Г. Маранцман, всю жизнь, занимаясь методикой преподавания литературы, стремился расширить ее горизонты, разрабатывая принципы взаимодействия искусств, диалога культур, стилей и авторов, рассматривал ее как смысловое поле, в котором должен зазвучать голос ученика/студента, к литературным способностям относит четыре показателя: 1) потребность выразить в слове чувство, мысль и добиться адекватного их соотношения; 2) потребность в образной конкретизации слова; 3) эмоциональная чуткость к слову, интонациям и стилям речи; 4) целостное отношение к

литературному произведению, концептуальное восприятие композиции произведения [3, с. 44].

В поведении человека присутствует творческая деятельность, результатом которой является не воспроизведение бывших в его опыте впечатлений или действий, а создание новых образов или действий. В основе этого вида деятельности лежат творческие способности. Творчески активная личность должна быть полностью адаптирована к среде [4, с.70], поэтому к главным компонентам творческих способностей необходимо отнести и поэтическое видение мира, и наблюдательность, и эмоциональную впечатлительность, образность мышления и памяти, точность и выразительность языка.

Развитие литературно-творческих способностей представляет собой ступенчатый процесс развития от низших к высшим, от читательских к собственно литературно-творческим: от способности к нравственно-эстетической оценке художественных произведений и возможности их прочтения к собственному творчеству (написание рассказов, стихов, рецензий, сценариев и т.д.), используя следующие творческие задания: подбор слов-ассоциаций «Словесная лесенка» (*Дом – многоэтажный, кирпичный, деревянный, под снос* и т.д.); словесное рисование «Я тебя рисую» (*нарисовать портрет сокурсника, описав особенности внешности, стиля одежды, речевые характеристики*); сравнение по составлению метафор и эпитетов (*оригинала с черновиком, своего представления с авторским* и т.д.); лингвистический эксперимент: используя этимологию слова, заданного преподавателем, раскрыть его значение; коллективное творчество «Я писатель» (*продолжить рассказ по заданной теме*); написание лирической миниатюры на заданную тему (*Времена года, морская стихия, мечты сбываются* и т.д.); редактирование газетных, журнальных статей.

Таким образом, литературно-творческие способности – это умение воплощать в слове впечатления от окружающей действительности при развитом творческом воображении и фантазии, при этом содержательный аспект литературного творчества включает в себя совокупность знаний, умений и

навыков, необходимых в процессе формирования творческой языковой личности.

Библиографический список

1. Винокур Г.О. Культура речи. 2-е изд. испр. и доп. М.: Федерация, 1929.
2. Гаузенблас К. Культура языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 20 Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. – М.: Прогресс, 1987. – 320 с.
3. Маранцман В.Г. Речевые способности школьников и их развитие в процессе обучения // Русский язык в школе. 1994. № 6. С. 41-49.
4. Усанова О.Г., Пирожкова М.А. Творчество как фактор развития языковой личности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и практические аспекты. – Сочи: ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», 2019. № 24. – С. 69-74.
5. Ширяев Е.Н. Культура речи: теория, методика, практика // Изв. РАН. Сер. лит. и яз., 1992. Т. 51, № 2. – С. 35.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Пенчева Антония Иванова
доктор филологии, доцент
Университет национальной и мировой
экономики
Болгария, г. София
antonia_pencheva@unwe.eu

Pencheva Antonia Ivanova
Associate professor, PhD
University of National and World
Economy
Bulgaria, Sofia
antonia_pencheva@unwe.eu

А. И. Пенчева

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «ЛЮБОВЬ К ТРЕМ ЦУКЕРБРИНАМ»)

Аннотация. Статья фокусируется на воссоздание интертекстуальных связей и обеспечение адекватного воздействия текста на читателей на примере перевода романа В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» на болгарский язык. Выявлены трудности, с которыми сталкивается переводчик, и переводческие стратегии, которые применяет в процессе перевода интертекста.

Ключевые слова: *интертекстуальность, перевод, цитата, аллюзия, переводческий комментарий.*

A. I. Pencheva

INTERTEXTUALITY AS A TRANSLATION PROBLEM (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL BY VICTOR PELEVIN “LOVE FOR THREE ZUCERBRINES”)

Abstract. The paper is aimed at recreation of intertextual links and achieving adequate impact of the text on its readers on the example of the translation of Victor Pelevin’s novel “The Love for Three Zuckerbrins” into Bulgarian. The difficulties encountered by the translator and the translation strategies he uses in the process of translating the intertext are identified.

Keywords: *intertextuality; translation; quote, allusion, translation commentary*

Идея Михаила Бахтина о *полифоничности и диалогичности*

художественного текста как «особой формы взаимодействия между равноправными и равнозначными сознаниями» [Бахтин 1986: 327] получила развитие в трудах Ролана Барта и Юлии Кристевой, которая предложила термин *интертекстуальность*. По ее словам, «всякий текст представляет собой пермутацию других текстов, интертекстуальность; в пространстве того или иного текста перекрещиваются и нейтрализуют друг друга несколько высказываний, взятых из других текстов» [Кристева 2004: 135]. Интертекстуальностью она называет «пересечение высказываний, взятых из других текстов» [Кристева 2004: 138]. Р. Барт характеризует текст как «обрывки старых культурных кодов» и вслед за Ю. Кристевой считает, что «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собою новую ткань, сотканную из старых цитат» [Барт 1989: 418].

Интертекстуальность изучается разными науками уже несколько десятилетий. Над проблемой типологизации интертекстуальных элементов работали Жерар Женетт, Натали Пьеге-Гро, Пеэтер Тороп, Наталья Александровна Фатеева и др. Согласно широко принятой классификации, интертекстуальные элементы подразделяются на собственно интертекстуальные элементы, образующие конструкцию «текст в тексте»; паратекстуальные; метатекстуальные; гипертекстуальные; архитекстуальные.

П. Тороп пишет, что «текстовая память есть у автора, переводчика и читателя. Как проблемой понимания, так и перевода является определение соотношения „своего – чужого“ в структуре и концепции данного текста. В обоих случаях необходимо определение маркированности – немаркированности, узнаваемости – неузнаваемости, конкретности – неконкретности чужих элементов (цитат, парафраз, аллюзий и т.д.) в тексте» [Тороп 1995:13].

По мнению Н. Пьеге-Гро «интертекстуальность в полной мере предполагает активного читателя; именно он должен не только распознать наличие интертекста, но и идентифицировать его, а затем и дать ему свое истолкование. Ведь интертекст отсылает читателя к

другому тексту» [Пьеге-Гро 2008: 132].

Воссоздание в тексте перевода (ПТ) интертекстуальных элементов исходного текста (ИТ) требует от переводчика обширного когнитивного багажа и глубоких знаний когнитивного контекста [Ледерер, 2007], поскольку понимание интертекстуальных включений даже на родном языке предполагает наличие «большого опыта чтения, обеспечивающего богатство способов смыслообразования» [Галеева, 1999: 60]. Эта цель возлагает на переводчика нелегкие задачи.

Обращаясь к рассмотрению перевода интертекстуальных элементов в романе В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» на болгарский язык, остановимся на **собственно интертекстуальных элементах**, образующих конструкцию «текст в тексте». Сюда включается прямое цитирование, вкрапления другого языка (например, английского, французского и пр.), скрытое цитирование чужих строк, вставленных в авторский текст без какого бы то ни было выделения, аллюзии, литературные реминисценции.

Эксплицитные формы интертекстуальности присутствуют в тексте в явном виде; на них, по словам Н. Пьеге-Гро, могут указывать типографские знаки (курсив и кавычки при цитировании) или семантические показатели, например, имя автора упоминаемого произведения, его название или же имя персонажа, которое недвусмысленно отсылает к определенному произведению. Известно, что «феномен цитирования – основополагающий в постмодернистской концепции интертекстуальности.

Однако постмодернистская «цитатная литература» не есть механическое соединение в едином контексте фрагментов предшествующих текстов» [Шукуров 2012: 108]. Любая **цитата** играет двойную роль. С одной стороны, подчиняясь авторской задаче, она вступает в отношении функциональной зависимости со всеми остальными частями и элементами произведения и становится его неделимой частью. С другой стороны, она пробуждает энергию произведения или дискурса, из которого заимствована цитата, пробуждает воспоминание об этом произведении [Кръстева 1969: 82–112. *Цит. по Тодорова 2014*].

В литературном произведении бывает несколько видов цитат.

Один из них **маркированная цитата, цитата в кавычках**. Рассмотрим некоторые примеры из романа «Любовь к трем цукербринам» (ЛТЦ):

(рус.) *Я долго рылся в книгах, пытаюсь найти этому хоть какое-то объяснение, и обнаружил вот какую **интересную цитатууфизика Дэвида Дойча** (он тронул мое сердце тем, что тоже заговорил о бабочке):*

«... говорят, что в принципе бабочка, находящаяся в одном полушарии, взмахом своих крылышек может вызвать ураган в другом полушарии. Неспособность дать прогноз погоды и тому подобное приписывают невозможности учесть каждую бабочку на планете. Однако реальные ураганы и реальные бабочки подчиняются не классической механике, а квантовой теории. Неустойчивость, быстро увеличивающая небольшие неточности... просто не является признаком квантово-механических систем. В квантовой механике небольшие отклонения от точно определенного начального состояния стремятся вызвать всего лишь небольшие отклонения от предсказанного конечного состояния...» (с. 148-149²)

(болг.) *Дълго се рових в книгите и се опитвах да намеря поне някакво обяснение за това, и ето какъв интересен цитат открих у физика Дейвид Дойч (той докосна сърцето ми, защото също говори за пеперудата):*

„...казват, че по принцип една пеперуда, която се намира в едното полукълбо, с пърхането на крилицата си може да предизвика ураган в другото полукълбо. Неспособността да се направи прогноза на времето или нещо подобно приписват на невъзможността да се вземе предвид всяка пеперуда на планетата. Обаче реалните урагани и реалните пеперуди се подчиняват не на класическата механика, а на квантовата теория. Неустойчивостта, бързо увеличаваща малките неточности... просто не е

² Цитаты приводятся по В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам. – Москва : „Э“, 2016.

признак на квантовомеханичните системи. В квантовата механика слабите отклонения от точно определеното начално състояние се стремят да предизвикат само незначителни отклонения от предсказаното крайно състояние...» (с.148)³

Автор цитирует израело-британского физика Д. Дойча – эксперта по квантовой информатике. Поскольку т. н. «эффект бабочки» широко известен, принадлежит к универсальным культурным знаниям, он не нуждается в пояснении ни в тексте оригинала, ни в тексте перевода.

(рус.) *Гамлет в свое время сказал: «The time is out of joint». Это обычно переводят как «**распалась связь времен**», хотя возможны и растафарические трактовки. (с. 149)*

(болг.) *Хамлет някога е казал: „The time is out of joint“. Обикновено това се превежда като „**векът е разглобен**“, макар че са възможни и растафариански трактовки. (с. 131)*

Не называя пьесы или ее автора, В. Пелевин цитирует строку из «Гамлета» в переводе А. Кронеберга (1844). Цитата легко узнаваема, но перед переводчиком стояла задача найти среди всех болгарских переводов пьесы тот, который наиболее точно передает «распад связи времен». Таким оказался перевод Валерия Петрова. Это отмечено в примечании.

В романе множество цитат, сопровождаемых авторским метатекстуальным комментарием:

... o cursed spite That ever I was born to set it right! (Ах ты мать твою етить, опять порядок наводить!) (с. 150)

Далее автор поясняет, что это его вольный перевод. В тексте перевода (ПТ) приводится «вольный» перевод автора, и в сноске «настоящий» перевод строки, сделанный В. Петровым.

Ах твойта мамица, пак аз да вкарвам ред! (О, дял проклет: да си роден, за да го слагаш в ред!) (с. 130)

Переводческий комментарий (метатекст) используется

---

³ Здесь и далее цитаты по: В. Пелевин. Любовьта към тримата зукърбрини. Изд. Гей либрис. София, 2017

преимущественно при передаче в ПТ таких интертекстуальных включений, как аллюзия и цитация.

Аллюзия по определению Н. Фатеевой – «заимствование элементов претекста, по которым происходит его узнавание в тексте-реципиенте» [Фатеева 2000: 128] и которые создают в литературном произведении обобщенный подтекст. Главная специфика аллюзии – косвенная ссылка на другие литературные тексты, которая пробуждает в читателе «память слова». Шарль Нодье называет аллюзию «хитроумным способом соотнесения широко известной мысли с собственной речью, поэтому она отличается от цитаты тем, что не нуждается в опоре на имя автора, которое всем известно и так» [Нодье, Цит. по Пьеге-Гро 2008:91]. Литературная аллюзия предполагает, что читатель на основе ассоциации в состоянии сконструировать новый смысл, который автор хотел внушить, не высказывая его прямо.

В романе «ЛТЦ» множество более или менее легко поддающиеся идентификации аллюзий. Перед переводчиком стояла сложная задача сначала самому идентифицировать аллюзию, а потом передать ее в тексте перевода. При этом в принимающей культуре узнаваемость / неузнаваемость аллюзии может сильно отличаться от культуры оригинала. Нередко аллюзии могут отсылать к хорошо известному претексту и переводчик должен стремиться сохранить как ее доминантную функцию, так и формат без переводческого комментария как в примере ниже:

(рус.) *У Рэя Брэдбери есть рассказ про охоту на динозавров: охотники отправляются в прошлое на машине времени, отстреливают обреченного ящера за миг до того, как тот утонет в болоте или потоке лавы – и возвращаются назад, практически не нарушив мирового баланса.*

(болг.) *Рей Бредбъри има един разказ за лов на динозаври: ловците се отправят към миналото с машина на времето, застрелват обреченото влечуго миг преди то да потъне в блатото или в поток от лава – и се връщат обратно, практически без да нарушат световния баланс.*

Другая форма эксплицитных интертекстуальных связей – **реминисценция** (референция). Н. Пьеге-Гро пишет, что референция отсылает читателя к иному тексту, не приводя его дословно [Пьеге-Гро 2008: 87]. В качестве реминисценций обычно используются имена собственные. Как художественный прием реминисценция рассчитана на ассоциативное мышление и читательскую память [Худолей 2015: 200].

Таких примеров в романе немало. В болгарской принимающей культуре хорошо знакомо произведение И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», поэтому перевод не нуждается в комментарии:

(рус.) ... у **Ильфа и Петрова**, помнится, кто-то из героев писал *«Гаврилиаду»* – поэму о бесконечном многообразии возможных истоков Первой мировой. Вот и я о том же. (с. 47)

(болг.) ... спомням си, у **Илф и Петров** някой от героите пишеше *„Гаврилиада“* – поема за безкрайното многообразие на възможните причини за началото на Първата световна война. Та и аз за същото. (с. 40)

Узко известные интертекстуализмы также следует по возможности сохранять, чтобы не утратить аллюзивность, «имплицитный затекстовый смысл» [Фатеева 2000: 134] претекста. Однако, если, переводчик считает, что читатель перевода не сможет их «отгадать» и это приведет к содержательной утрате, по нашему мнению, допустимо их снабжать переводческим комментарием, так как неверная или неполная интерпретация интертекстуальных элементов может привести к существенным смысловым потерям.

В романе «ЛТЦ» преобладают немаркированные культурно специфичные цитаты и аллюзии, для эксплицирования которых требуется переводческой комментарий:

(рус.) ...от такой хари вздрогнул бы и **Шариков**...

(болг.) ...от такава муцуна би потреперил дори **Шариков**...

Перевод сопровождается примечанием, что Шариков – персонаж М. Булгакова из повести «Собачье сердце» – отгалкивающий, агрессивный типаж.

В главе «Верхние прыгуны» В. Пелевин приводит

переименованные слова Энди Уорхол «In the future every one will be world-famous for 15 minutes».

(рус.) *Как сказал бы Энди Уорхол, каждый будет прыгуном пятнадцать минут. Те пятнадцать минут, которые прыгун будет каждым.*

(болг.) *Както би казал Анди Уорхол, всеки ще бъде скачач за петнадесет минути. **Онези петнадесет минути, в които всеки ще бъде скачач.***

Перевод сопровождается комментарием в сноске, приводящим подлинную цитату на болгарском языке, для того чтобы читатель сконструировал в сознании новый смысл.

Рассуждая о релятивности мира, о поездах судьбы и множественности выбора человека, В. Пелевин упоминает ставшую классической для русской литературы и культуры поэму «Москва-Петушки»:

(рус.) ***Поезд «Москва-Петушки» никогда не прибудет в Лондон, туда может приехать только добрая память о Венечке.***

(болг.) ***Влакът „Москва – Петушки“ никога няма да пристигне в Лондон, там може да стигне само добрият спомен за Венечка.***

Отсылка к поэме «Москва-Петушки» узнаваема для российского читателя, однако, по мнению редактора болгарского перевода, этот культурно-маркированный феномен может не быть опознан многими болгарскими читателями, поэтому ТП сопровождается примечанием: «„Москва – Петушки“ – поэма в прозе писателя-диссидента Венедикта (Венечки) Ерофеева (1938–1990). Перевод на болгарский язык сделан Борисом Мисирковым.»

Литература русский классики, особенно творчество А. С. Пушкина, известно всем россиянам еще со школьной скамьи. *Станционный смотритель* сразу апеллирует к памяти читателя, восстанавливающего в своем этносознании одноименный рассказ А. Пушкина, и активизирует аллюзию в романе В. Пелевина о «связи времен» («*Каждый вагон в поезде судьбы соединен не только с предыдущим и следующим*», с. 151), о том, что каждый индивид и есть отдельная вселенная.

(рус.) *Киклоп – это просто **станционный смотритель**, следящий*

за тем, чтобы пассажиры, путешествующие между мирами...

(болг.) ... че Киклопът е просто **станционен надзирател**, който следи пътниците, пътешестващи между светове...

Для современного болгарского читателя, все менее знакомого с русской классикой, образ *станционного смотрителя* не наполнен содержанием и смыслом, поэтому перевод сопровождается примечанием: «Отсылка к повести А. С. Пушкина „Станционный смотритель“».

Следующее предложение демонстрирует высокую степень насыщенности прозы В. Пелевин аспецифическими этнокультурными аллюзиями:

(рус.) *Это и есть та самая **нуль-транспортировка**, о которой столько говорили **шестидесятники**, не понимая до конца, в чем дело.*

(болг.) *Именно това е онази **нула-превозвач**, за която толкова говореха **творците от шестдесетте**, без да са съвсем наясно какво става.*

Перевод нуждается в двух пояснениях. Во-первых, „нуль-транспортировка“ означает фантастический способ перемещения в пространстве без потери времени. Термин ввели братья Стругацкие в цикле романов „Мир полудня“. Во-вторых, если для российского читателя вполне понятно, что *шестидесятники* – это выдающееся поколение советской интеллигенции (Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, В. Высоцкий и др.), проявившее свои творческие возможности в 60-е годы XX в., то немногие из болгарских читателей поколения выше среднего догадались бы об этом.

Если этнонациональные интертексты легко узнаваемы читателями оригинала, однако нередко нуждаются в пояснении переводчиком, то наднациональные интертексты могут вызвать трудность и для читателей ИТ, и для читателей ТП. Тут неизменно переводчик задается вопросом – **стоит ли и в каких случаях приводить комментарии?** Ответ всегда будет индивидуален, но при этом будет зависеть от нескольких факторов. Во-первых, переводчику следует исходить из текста конкретного произведения, стараясь следовать за алгоритмом действий: а) самому

идентифицировать и опознать интертекстуальные вкрапления (особенно имплицитные); б) адекватно интерпретировать функциональный потенциал претекста и его функции в тексте; в) взвесить насколько его перекодировка на язык перевода или его потеря в переводе поможет или затруднит рецепцию смысла читателем; г) адекватно выбирать средства перекодирования интертекстуальных элементов, прогнозируя возможности их декодирования и осмысления носителями культуры языка перевода. Во-вторых, ответ в большой мере зависит от традиции в конкретной стране. В некоторых странах не принято (или принято в исключительных случаях) давать переводческие (редакторские) комментарии, и тогда переводчики прибегают к определённым стратегиям «дописывания» в самом авторском тексте; в других же, наоборот, предпочитают давать примечания и комментарии, рассматривая роль метатекста как способа интерпретации кода другой лингвокультуры, отображенной в художественном произведении.

Роман «ЛТЦ» полон примерами таких наднациональных интертекстов. В. Пелевин очевидно рассчитывает на высокую эрудированность читателей и на их способность опознавать интертекстуальные элементы (действительные или парафразированные) и обычно не снабжает их автокомментарием. Все же, руководствуясь перечисленным алгоритмом действий, переводчик счел необходимым отослать читателя ТП к Экклезиасту или французскому драматургу Ж. П. Сартру:

(рус.) *Поистине, таков и ты, человек, и все твои дела под солнцем...»*

(болг.) *Наистина, какъвто си ти, човече, такава са и всички твои дела под слънцето...“*

Перевод сопровождается примечанием: «Текст отсылает к Экклезиасту *Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем*».

(рус.) *... а X1, X2 и так далее – те, кого французские философы называют «другими»*

(болг.) *...а X1, X2 и така нататък – са онези, които френските философи наричат „другите“.*

В примере выше автор отсылает нас к цитате из пьесы «За закрытыми дверями» Жан-Поля Сартра «*Ад – это другие*» и это пояснение приводится в сноске болгарского перевода («Цитат от пиесата „При закрити врати“ на френския екзистенциалист Жан-Пол Сартр»).

Н. Пьеге-Гро пишет, что «когда в основе **аллюзии** лежит **игра слов**, то она воспринимается как игровой элемент, нечто вроде шуточного подмигивания, адресованного читателю» [Пьеге-Гро 2008: 92].

(рус.) – *Ах, Тенерифе... Помните, как у Ярослава Могутина?
Сначала я *** рагуля, потом рагуль *** меня...*

– *Та тъфу на вас, вечно все опошлите. Там не «рагуль» а
«Рауль»...*

(болг.) – *Ах, Тенерифе... Помните ли как пишеше Ярослав
Могутин? Отпърво аз е*** рагул, след туй рагул е*** пък
мен...*

– *Вие пък вечно всичко ще опошлите. Там не е „рагул“, а
„Раул“...*

В конкретном примере переводчику обязательно надо было самому сориентироваться в реалиях (*рагуль*, *Рауль*, *Ярослав Могутин*) и выбрать какие из них прокомментировать, а какие можно было бы проигнорировать без значительной смысловой потери. В примечании раскрыто значение украинского жаргонного, пренебрежительного названия примитивного человека «*рагуль*», однако не комментируется личность скандального поэта и журналиста Ярослава Могутина и его персонаж (*Рауль*), поскольку они не являются доминантой интертекста.

К аллюзиям на основе игры слов можно отнести некоторые словообразовательные экспрессивные единицы, сопровождающиеся переводческим комментарием: *Кохочубайс*: «Отсылка к двум фигурам 90-х годов XX века в России: Альфреда Коха и Петра Авена, соавторов книги “Революция Гайдара: История реформ 1990-х из первых рук“, и Анатолия Чубайса, бывшего российского политика окружения президента Бориса Ельцина»; *азербот*: азербайджанец (разг.); *шабесгон*: «игра слов: сочетание между „шабесгой“, означающее неевреин, работающий по субботам („шабат“) –

нерабочим для евреев дням, и „гей“».

Источником интертекстуальных фрагментов, включаемых в новый контекст, могут быть прецедентные тексты, появляющиеся в виде аллюзий, цитат, реминисценций. Считается, что прецедентные тексты, к которым относят предания, мифы, притчи, легенды, сказки, а также тексты художественных произведений, песен, реклам и пр., отсылают к некому хорошо знакомому всем представителям одного лингвокультурного сообщества факту культуры, стоящему за ними.

Приведенный ниже пример прецедентного текста снабжен примечанием переводчика, что это пародия на текст русской песни «Вечерний звон», при этом в переводе второй части стиха цитируется уже имеющийся перевод текста этой песни на болгарский язык.

(рус.) *«мой шабесгон, мой шабесгон – как много дум наводит он»*
 (болг.) *„мой шабесгон, мой шабесгон – о, мисли вдън, о чуден сън“*

В процессе перевода романа используется также **прием сохранения интертекстуальных элементов без последующего комментария**. Так, в комментарии не нуждаются слова российского президента недавнего времени Б. Ельцина, ставшими заглавием книги о нем:

(рус.) *...в центре доски висела обложка пропагандистской брошюры ельцинских времен с фотографией припухшего президента и гордым названием:*

Я ОТВЕЧУ ЗА ВСЕ!

(болг.) *...на дъската висеше обложката на пропагандна брошура от времето на Елцин със снимка на подпухналия президент и гордо заглавие:*

АЗ ЩЕ ОТГОВАРЯМ ЗА ВСИЧКО!

Таким образом, являясь универсальным средством сохранения и передачи культурной памяти, интертекстуальные элементы актуализируют межтекстовые связи и вовлекают читателя в переосмысление претекста и осмысление литературного произведения.

В целом, для правильной передачи в переводе интертекстуальных элементов нужны фоновые знания и богатая лингвокультурная эрудиция переводчика. Чтобы добиться коммуникативной равноценности, переводчику нужно сначала

распознать их, учесть границу между универсальными и этнокультурными знаниями и адекватно интерпретировать авторский замысел. Разумеется, вряд ли переводчик может знать *все* тексты *всей* мировой литературы, названия всех стихотворений, фильмов, песен, и пр., однако он должен стараться компенсировать эти пробелы своей языковой интуицией и энциклопедической компетентностью.

Библиографический список:

1. Барт Р. Въображението на знака. Есета. Изд. Народна култура, София, 1991. – 584 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. – С. 418.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. – 2 изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
4. Галеева Н.Л. Параметры художественного текста и перевод. Тверской гос. ун-т. – Тверь, 1999. – 154 с.
5. Жанетт Ж. Введение в архитект // Фигуры. В 2-х томах. Том 2. – М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.
6. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с.
7. Ледерер М. Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода / пер. с фр. Н.А. Фененко, Е.А. Алексеева/. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 223 с.
8. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
9. Тодорова П. Произход на понятието интертекстуалност // Многообразие в единството. Съюз на учените в България. URL: <http://tksi.org/SUB/http://tksi.org/SUB/Broj2012.ht>
10. Тороп П. Тотальный перевод. – Изд. Тартусского унв., 1995. – 220 с.
11. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
12. Худолей Н.В. Механизмы актуализации интертекстуальных связей в художественном тексте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 199-202.
13. Шукуров Д.Л. Дискурс М.М. Бахтина и теория интертекстуальности. // Известия высших учебных заведений Серия „Гуманитарные науки“, том 3, выпуск 2, 2012 г. – С. 105–109.

ХРОНИКА

Самоцветова Ольга Вячеславовна
кандидат исторических наук
хранитель музейных предметов
Государственное бюджетное
учреждение культуры города Москвы
«Дом-музей Марины Цветаевой»
Россия, г. Москва
e-mail: os.dommuseum@gmail.com

Samotsvetova Olga Vyatsheslavovna
Candidate of Sciences in History
Curator of museum collection
State Budgetary Institution of Culture
«House Museum of Marina Tsvetaeva»
Russia, Moscow
e-mail: os.dommuseum@gmail.com

О. В. Самоцветова

ДОМ-МУЗЕЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Аннотация. Борисоглебский переулок, дом 6 в Москве – один из главных московских адресов в жизни Марины Цветаевой. В 1980-х гг. от сноса дом спасла Н.И. Катаева-Лыткина и московская общественность, объединившаяся вокруг нее. В 1992 году здесь был открыт Дом-музей Марины Цветаевой. Коллекция музея насчитывает более 40 тыс. предметов. Она включает в себя мемории и автографы М.И. Цветаевой, ее семьи, знаменитых современников – Б.Л. Пастернака, М.А. Волошина, П.Г. Антокольского, А.А. Тарковского, Е.Л. Ланна и др., а также ценную коллекцию материалов Русского зарубежья, в которую входят документы И.А. Бунина, А.М. Ремизова, И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева, З.Н. Гиппиус и многих других. Среди них и фонд А.М. Федорова – русского поэта, писателя, судьба которого в последние 29 лет его жизни была связана с Болгарией. О создании музея, его коллекциях, экспозиции, выставках и том, чем он живет сегодня рассказано в представленной статье.

Ключевые слова: дом-музей Марины Цветаевой, Борисоглебский 6, музейная коллекция, экспозиция, научная деятельность.

О. V. Samozvetova

HOUSE MUSEUM OF MARINA TSVETAEVA

Abstract. 6 pereulok is the main Moscow address in Marina Tsvetaeva's life. The house was saved in the 1980s by N.I. Katayeva-Lytkina and Moscow community united around her. House Museum of Marina Tsvetaeva was opened here in 1992. The

collection of museum contains more than 40 000 subjects. It includes things and autographs that belonged to M.I. Tsvetaeva, her family, her famous contemporaries – B.L. Pasternak, M.A. Voloshin, P.G. Antokolsky, A.A. Tarkovsky, Y.L. Lann and others. Also it includes a valuable collection of Russian emigrants documents of I.A. Bunin, A.M. Remizov, I.S. Shmelev, B.K. Zaitsev, K.D. Balmont, Z.N. Gippius and many others. A.M. Fedorov's fund is among them. A.M. Fedorov is the Russian author, his fate was tied with Bulgaria in his last 29 years. This article about creating the museum life today.

Key words: House Museum of Marina Tsvetaeva, 6 Borisoglebsky Pereulok, museum collection, exposition, academic activity.

«Дом-музей Марины Цветаевой» (Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы) – мемориальный музей поэта – находится в историческом центре Москвы, рядом с Арбатом, в доме № 6 по Борисоглебскому переулку. Этот дом – трижды памятник: памятник истории, культуры и архитектуры. Зданию уже более полутора веков.

Дом, в котором впоследствии поселилась Марина Цветаева с семьей, появился в 1862 г. В тот момент, его проект включал в себя двухэтажный фасад, разбитый на семь световых осей, центральную из которых венчал лучковый фронтон. Первый этаж украшал руст, профилированные карнизы отделяли первый этаж от второго и второй от крыши. Над невысоким крыльцом был устроен узорный чугунный козырек на тонких колоннах. Антресоли были устроены вдоль всего дворового фасада, со двора к дому примыкала двухэтажная деревянная пристройка с плоской крышей. Был отдельный вход со двора на второй этаж, впоследствии перенесенный в подвал; окно, выделяющееся по высоте на дворовом фасаде, указывает его прежнее расположение. Боковой южный фасад дома с окнами разного размера и на разной высоте дает представление, как на срезе, о сложном устройстве дома.

С 1911 г. дом принадлежал И. К. Дмитриеву. Его наследники и сдали квартиру № 3 Марине Цветаевой. После революции у них, как у всех домовладельцев, были отняты имущественные права, и хозяевами стали жильцы, в т.ч. М. И. Цветаева. В период с 1899 по 1914 г. (точнее не установлено) была произведена значительная внутренняя перестройка, сообщившая, в частности, квартире № 3 ее

знаменитую запутанность и волшебство.

Молодая семья Марины Цветаевой и Сергея Эфрона с почти двухгодовалой дочкой Алей поселилась в доме в сентябре 1914 года. «Здесь Марина Ивановна пережила четыре года войны, революцию, Гражданскую войну. Рождение и смерть второй дочери Ирины, <...> Добровольческую армию и мнимую смерть Сергея Яковлевича Эфрона» [1, с.103]. Отсюда 11 мая 1922 года М. И. Цветаева с 9-летней дочерью Ариадной уехала в эмиграцию. Этот дом – один из главных московских адресов поэта, после родительского дома в Трехпрудном переулке (не сохранился), дом в котором она прожила почти восемь лет, где состоялась как поэт.

С 1920-х до 1980-х все квартиры в доме были коммунальными. В 1962 г. дом пережил грубый, варварский ремонт: был сбит лепной декор фасада, дубовые оконные рамы и двери заменены сосновыми, паркет застелен досками. Пристройка, в которой находилась детская, была полностью снесена и возведена заново.

От неоднократных попыток сноса дом спасла московская общественность, объединившись вокруг его жительницы Н.И. Катаевой-Лыткиной, которая и стала инициатором сохранения дома ради создания музея. Нужно сказать, что к тому времени в СССР количество поклонников творчества М. И. Цветаевой значительно выросло. В 1960-х годах появились публикации стихов, подготовленные А. С. Эфрон. С 1978 года проходил семинар, посвященный жизни и творчеству поэта, первая встреча которого состоялась на квартире у Л. А. Мнухина, а почти все последующие – в одной из районных библиотек Москвы. В семинаре участвовали как профессиональные филологи, литературоведы, так и представители других профессий – объединяющим началом была любовь к творчеству М. Цветаевой и желание больше узнать о ее произведениях и судьбе. Семинары были регулярными, и стали началом научных цветаевских конференций, которые после открытия музея стали проводиться в нем.

В 1979 году Киевским райисполкомом города Москвы было вынесено решение о выселении дома, у которого начала протекать крыша. С этого момента началась борьба за его сохранение. Попытки сохранить дом были поистине драматическими – были

задействованы все возможные организации: Союз писателей, Отдел культуры Моссовета, Отдел охраны памятников при Моссовете, газета «Литературная Россия», Центральный дом литераторов и это далеко не весь список! Многие структуры готовы были взяться за дело и помочь в спасении дома, но каждый раз выяснялось, что они либо не имеют возможности сохранить внутреннюю планировку дома, либо это не входит в их интересы. И только отдел краеведения (возглавляемый Э. С. Красовской) Центральной городской публичной библиотеки им. Н. А. Некрасова оказался готов взяться за устройство мемориальной квартиры Цветаевой.

В 1986 г. библиотека взяла выселенный дом в аренду. Проект научной реставрации дома и приспособления его под музей был разработан в архитектурной мастерской № 7 института «Спецпроектреставрация» под руководством заслуженного архитектора СССР В.А. Резвина. Управление госконтроля, охраны и использования памятников г. Москвы провело капитальный ремонт дома. В ходе реконструкции цветаевской квартире была возвращена планировка 1914 года. В 1990 г. Советский фонд культуры принял постановление о создании Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». Директором нового музея была назначена Эсфирь Соломоновна Красовская, которая руководила им на протяжении 25 лет, вплоть до 2016 года. 31 августа 1991 года, в день 50-летия гибели М.Цветаевой, на ДOME была установлена мемориальная доска. Открытие музея состоялось 12 сентября 1992 г., в год 100-летия поэта⁴. Через 2 года Музей стал муниципальным, функции и полномочия Учредителя музея перешли к Департаменту культуры г. Москвы. Н.И.Катаева-Лыткина вплоть до своей кончины в сентябре 2001 года была его бессменным научным руководителем.

27 декабря 2007 года рядом с домом поэта был открыт памятник Марине Цветаевой. Церемония открытия монумента

---

⁴При открытии музей имел другое название. «Культурный центр - Дом поэта Марины Цветаевой» при Российском международном фонде культуры, зарегистрированный межведомственной комиссией Моссовета 30 августа 1990 г., в дальнейшем Уставом, утвержденным Российским международным фондом культуры 27 апреля 1992 г., был переименован в «Дом Марины Цветаевой». В 1994 г. музей был передан Комитету по культуре при правительстве Москвы и переименован в Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой».

приурочена к 115-летию со дня рождения поэта. Памятник создан по проекту авторского коллектива в составе скульптора Нины Матвеевой и заслуженных архитекторов России Сергея Бурицкого и Александра Дубовского.

Формирование фондовых коллекций «Дома-музея Марины Цветаевой» началось с его открытием в 1992 г. Важнейшей и наиболее сложной из стоявших перед музеем задач было пополнение мемориального фонда М. И. Цветаевой. Недостатку меморий способствовала сложная судьба Цветаевой и ее семьи – постоянное вынужденное кочевье, невозможность обстоятельных переездов с перевозкой мебели и домашнего убранства, бытовых предметов, одежды и прочих вещей, накапливающихся с течением жизни у каждой семьи. Тем важнее для музея стала работа по комплектованию, учету, хранению и исследованию цветаевского наследия, поиск репрезентативных типологических материалов для представления. Также темами комплектования стали: семья и члены ближайшего окружения поэта, история времени и событий, влиявших на судьбу Цветаевой, в вещах эпохи.

Основу коллекции музея составили пожертвования частных лиц и учреждений и вплоть до настоящего времени она пополняется благодаря коллекционерам, предлагающим предметы в дар музею или для закупки. С момента зарождения музея вокруг него формировался круг заинтересованных лиц, многие из которых являются потомками людей из ближайшего окружения Цветаевой. В 1992-2000 гг. в музее сформировалась самая объемная и ценная (до сих пор) часть коллекции.

Собрание музея включает в себя автографы, письма, фотографии М. И. Цветаевой, а также А. И. Цветаевой, И. В. Цветаева, С. Я. Эфрона, А. С. Эфрон, Г. С. Эфрона и других родственников поэта. Представлены в нем и материалы, документирующие биографию и творческую деятельность современников Цветаевой: Б. Л. Пастернака, П. Г. Антокольского, А. А. Тарковского, Б. М. Зубакина, Б. А. Бессарабова, Е. Л. Ланна и других литераторов, художников, деятелей театра и культуры.

Другое важное направление фондовой и исследовательской работы музея 1990-2000-х годов – история русского зарубежья. С

1990 г. в музее хранилось ценное собрание документов, печатных изданий и фотографий русской эмиграции. История этой коллекции связана с деятельностью Советского фонда культуры и его первого руководителя – Д. С. Лихачева. С конца 1980-х гг. Фондом велась работа по возвращению в СССР уникальных документов, ценных предметов, которые были собраны и сохранены соотечественниками, вынужденными эмигрировать из России в разные годы. Решением Президиума Советского фонда культуры коллекция, названная «Архивом русского зарубежья» была передана Дому-музею Цветаевой. В течение продолжительного времени шла научная обработка архива, в 1998 г. основная его часть была принята в фонды музея установленным порядком.

В составе коллекции Советского фонда культуры в фонды Дома-музея Марины Цветаевой попал архив русского писателя-эмигранта Александра Митрофановича Федорова (1868-1949), жившего почти 30 лет в Болгарии. В 1988 году этот архив привезла в СССР и передала в Фонд культуры падчерица писателя – Лиляна Георгиевна Шульц. Комплекс насчитывает более тысячи документов – рукописи стихов, рассказов, очерков для периодической печати, фрагменты литературных воспоминаний, письма к А. М. Федорову И. А. Бунина, А. И. Куприна, Е. Н. Чирикова, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева, А. В. Амфитеатрова, Д. С. Мережковского, Саши Черного и многих других писателей, литераторов, издателей русской эмиграции. Подавляющее большинство материалов никогда не издавалось (не считая отдельных публикаций стихов и прозы в эмигрантской периодической печати, которая практически недоступна читателю). Уже несколько лет «Дом-музей Марины Цветаевой» совместно с Институтом литературы Болгарской академии наук готовит значительную часть наследия Александра Федорова к публикации. Руководителем проекта «Изгнание и литература: русские писатели-эмигранты в Болгарии (А. М. Фёдоров)» является доц. Р. Русев. В проекте с российской стороны принимают участие О. В. Самоцветова и Т. Ф. Нешумова, а с болгарской – проф. Х. Манолакев, доц. Р. Илчева, А. Иванова и В. Василев.

Помимо фонда А. М. Федорова в коллекции музея

присутствуют вкрапления болгарских документов: книги («Русские сборники». Кн. 1-2. София, 1920-1921; Иван Лукаш. «Голое поле: (Книга о Галлиполи). 1921 год». София, 1922; Сергей Сулин. «Лемнос». Сборник стихотворений. Ямбол, 1927 и др.), отдельные номера периодических изданий (газет «Литературен глас», «Славянски глас», «Болгаро-советское единство»), фотографии (комплекс фото о русской школе в Шумене, встрече Красной армии болгарским населением в г. Свиштове), комплекс писем К.Д. Бальмонта и его жены Е.К. Бальмонт к Косте Георгиеву и его семье (18 писем и телеграмма за 1930-1932 гг.) и другое.

Коллекция музея состоит из более чем 40 тыс. предметов.

С момента своего создания музей стал не только экспозиционным, фондовым, но и научным центром цветаеведения. Э. С. Красовская главной задачей видела ввод в научный оборот материалов из фондовых коллекций музея, а также проведение научных цветаевских конференций. Первая конференция «Творческий путь Марины Цветаевой» проходила с 7 по 10 сентября 1993 г. в рамках международной конференции «Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940-е годы», проводившейся Российской Академией наук и Конгрессом соотечественников. В дальнейшем научные конференции проводились почти каждый год и в 2017 году, год 125-летия поэта, состоялась двадцатая по счету цветаевская конференция. Итоги их деятельности фиксировались в публикуемых регулярно сборниках докладов⁵.

Значительным достижением Музея до 2016 г. в области выставочной деятельности стало его участие в крупных российских и международных музейных проектах: «Поэт и время», «Марина Цветаева и Франция», «Белый поход, ты нашел своего летописца...», «Мимолетный Пастернак», «Арбат Марины Цветаевой», «В одном потоке бытия», «Первая мировая война» и др.

По случаю столетнего юбилея переезда Марины Цветаевой в дом в Борисоглебском переулке в Москве музей задумал и провел в

---

⁵Например: «А.С. Пушкин – М.И. Цветаева» (М., 2000), «На путях к постижению Марины Цветаевой» (М., 2002), «Марина Цветаева. Эпоха, культура, судьба» (М., 2003), «"Чужбина, родина моя!": Эмигрантский период жизни и творчества Марины Цветаевой» (М., 2004) и др.

период с сентября 2014 по сентябрь 2015 года серию перформансов, представляющих разные этапы жизни Марины Цветаевой, объединенных одной темой «Новоселье». Проект состоял из представлений, разыгранных в интерьерах мемориальной квартиры, за которыми посетители наблюдали в отдельном помещении по средствам онлайн-трансляции.

8 октября 2015 года в дар Музею Марины Цветаевой был передан письменный стол, за которым она работала в Ванве под Парижем в годы эмиграции. В этот же день открылась выставка многочисленных даров, поступивших в музей в последние годы.

В 2016 году директором музея стала Елена Ивановна Жук. В 2017 году Музей отметил 25 лет со дня создания и 125-летие со дня рождения Марины Цветаевой. В этом году отмечали свой четвертьвековой юбилей еще два музея, посвященные М.И. Цветаевой. Мемориальный дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве – дом в дачном поселке, где Марина Цветаева поселилась после возвращения из эмиграции и откуда уехала в эвакуацию в 1941 г. и Тарусский музей семьи Цветаевых – место, куда приезжала отдыхать в детстве Марина с семьей и которое стало родным домом ее дочери, Ариадны Сергеевны Эфрон, после возвращения из ссылки.

Подготовка Дома-музея Марины Цветаевой к праздничным мероприятиям включила в себя ремонт мемориальной квартиры поэта, в связи с чем в декабре 2016 года музей был закрыт. Ремонт прошел в кратчайшие сроки, и 18 мая 2017 года, в Международный день музеев – день, знаковый для Цветаевой, как дочери Ивана Владимировича Цветаева, основателя крупнейшего московского музея (ГМИИ имени А.С. Пушкина) был открыт для посещения. Это был не только ремонт, но и реконструкция, и переосмысление того пространства, которое с 1992 г. существует как музей. Мемориальная квартира предстает в обновленном виде, ее нынешний образ – столь любимый Цветаевой белый лист, едва тронутый письменами. Сведенная к минимуму обстановка, в которой показаны в первую очередь личные вещи и типологические предметы, оставляет простор воображению и памяти. В мемориальную экспозицию впервые включена гостевая комната. Здесь открылась выставка «Роднее, чем в родстве», посвященная друзьям и адресатам Цветаевой, бывавшим в

ее доме в разное время. На выставке представлены подлинные вещи М. Волошина, П. Антокольского, С. Парнок, А. Цветаевой и других. Черная лестница – потайной выход – также впервые стала доступна для посещения.

В помещениях кухни и мансарды посетители могут видеть выставку «Ледяной костер. 1917–1922», которая рассказывает о периоде Гражданской войны в жизни поэта. Название выставки отсылает и к Ледяному походу Белой армии, в котором принимал участие Сергей Эфрон, и к ледяным зимам военного коммунизма, которые Цветаева переживала в Москве с детьми, большей частью именно в кухне.

С 7 по 9 октября в музее также собрались те, кто посвятил творчеству Цветаевой свою жизнь: в международной научной конференции «Фараонова пшеница: Наследие Марины Цветаевой в XXI веке» приняли участие более 70 спикеров и 100 гостей. Специально к дню рождения поэта и юбилею музея была подготовлена и проведена выставка «Дом, в который не стучатся...»: архивные и современные фотографии, произведения графики и скульптуры, рукописи, письма, книги, предметы быта – почти семьдесят тщательно отобранных раритетов представляют двадцатипятилетний труд музейщиков по созданию всемирно известного Дома поэта в Борисоглебском. Кульминацией торжеств стала юбилейная выставка "Где мой дом?", идея которой – представить основное дело жизни Марины Цветаевой, ее служение Слову.

В 2018-2020 гг. музей продолжает все направления своей работы: экспозиционно-выставочную, научно-фондовую, работу по комплектованию коллекции и публикаторскую деятельность. За это время в музее состоялись выставки: «Здорово, в веках Владимир!» (выставка-диалог посвященная взаимоотношениям М.Цветаевой и В. Маяковского), «"Многоликая Ася": личность, судьба и творчество Анастасии Цветаевой» (к 125-летию со дня рождения А.И. Цветаевой), «Внутренняя Таруса» (выставка посвящена времени «оттепели» и феномену «внутренней эмиграции»), «100 лет всего. История семьи Эфрон» (выставка, о судьбе семьи Эфрон в контексте ключевых событий российской истории с 1870 по 1970-й год), – и

другие проекты. Коллекция музея пополнилась портретом Марины Цветаевой работы Г.К. Артемова, прижизненными изданиями поэта, акварелями А.С. Эфрон, М.А. Волошина, воспоминаниями М.И. Кузнецовой-Гриневой о Марине Цветаевой, перепиской Валерии и Анастасии Цветаевых и другими предметами.

Одним из наиболее значимых событий этого периода стал выход в начале 2020 года издания «Марина Цветаева. В лучах рабочей лампы. Собрание поэтических переводов»⁶. В издании собраны все поэтические переводы Марины Цветаевой, выявленные на сегодняшний день. Двадцать три из них публикуются впервые! Книга иллюстрирована страницами черновых и беловых рукописей Цветаевой, большинство из которых публикуется впервые. «Издание полного (на сегодняшний день) собрания поэтических переводов Марины Цветаевой закрывает если не совсем белое, то весьма белесоватое пятно в области изучения поэтического творчества Марины Цветаевой и его законов. И мы приглашаем читателя самого стать исследователем...» [2]. Коллектив музея продолжает открывать почитателям творчества М.И. Цветаевой новые грани ее таланта, помогает углублять знания о поэте, любить и знать его творчество.

Библиографический список

1. Катаева-Лыткина Н.И. Дом поэта в Борисоглебском переулке // Всё о Цветаевой. Тематические встречи при собрании материалов. М., 2015. Т.2.
2. Коркина Е.Б. Аннотация от составителя на сайте издательства: [Электронный ресурс]. URL: <https://boslen.ru/marina-tsvetaeva-v-luchakh-rabochey-lampy-sobranie-poeticheskikh-perevodov/> (Дата обращения: 10.06.2020).

---

⁶М.: Бослен, 2020. 560 с., илл.

Издание подготовлено научными сотрудниками «Дома-музея Марины Цветаевой» и приглашенными исследователями. Авторский коллектив: А. Акилли, Л. А. Викулина, К. А. Григорьева, Е. Б. Коркина, Т. Ф. Нешумова, В. С. Полилова, А. И. Попова, Р. Русев.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **bgrusisty@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликованные **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонку, как показано:

Борисов Иван Викторович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: borisov@rambler.ru
Borisov Ivan Viktorovich
Professor, Dr. Sc.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: borisov@rambler.ru (10 пт.)

И.В.Борисов (11 пт.)
**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**
(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V.Borisov (11 пт.)
THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами

Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именованного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // Стиль. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bgrusisty@gmail.com